Мирра Лохвицкая

Тайных струн сверкающее пенье

Гив Лахути

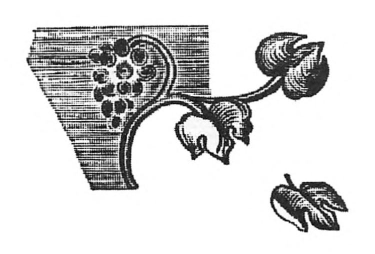
Ночной диспут в мастерской Волошина или трагедия русской поэзии

Мирра Лохвицкая

ТАЙНЫХ СТРУН СВЕРКАЮЩЕЕ ПЕНЬЕ

Избранные стихотворения

Гив Лахути

НОЧНОЙ ДИСПУТ В МАСТЕРСКОЙ ВОЛОШИНА ИЛИ ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Новелла

Москва 1997

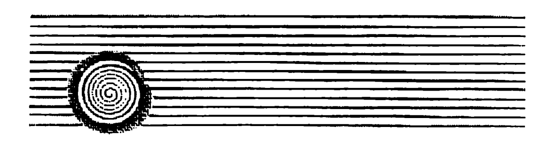
ББК 87
К21

**Составитель и автор вступительной статьи —
Гив Лахути**

Издание второе, расширенное и дополненное

В оформлении книги использованы гравюры В.А.Фаворского

**Составитель благодарит за ценную помощь лауреата
Государственных премий художника А.А.Великанова**

Мирра Лохвицкая — талантливейшая русская поэтесса, звезда «Серебряного века», единственный дважды лауреат главной российской литературной награды — пушкинской премии российской академии наук, красавица, прожившая слишком короткую жизнь, о которой восторженно писали Бунин и Немирович-Данченко, Бальмонт и Северянин, которую обожали читатели, и чье творчество последних лет стало одной из вершин русской религиозной поэзии... и тем не менее у которой после 1908 года до настоящего времени не вышло ни одного сборника!

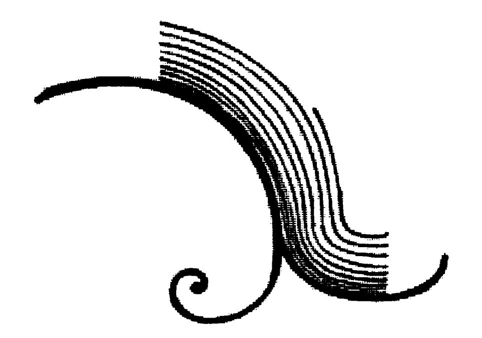
Почему так произошло, рассказывает этот сборник, выпущенный тиражом всего 500 экземпляров, включающий лучшие стихотворения этой замечательной поэтессы, содержательную статью о ее жизни и творчестве и иллюстрации.

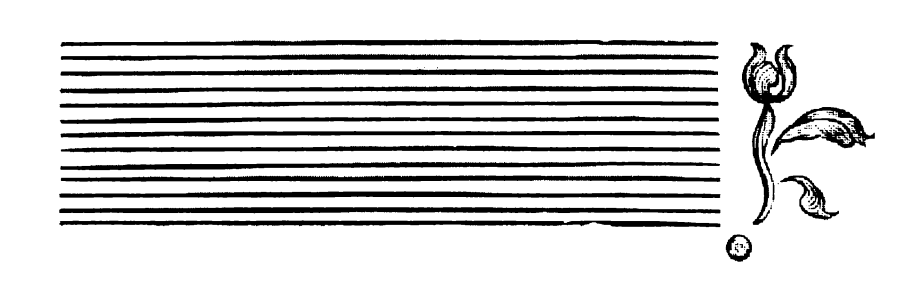
Составитель и автор статьи — писатель и журналист Гив Лахути, продолжая эту тему, в качестве приложения предлагает читателям свою новеллу «Ночной диспут в мастерской Волошина, или трагедия русской поэзии», в которой автобиографические мотивы сочетаются с фантастическими.

ISBN 5—86280—094—8
ЛИА Р.Элинина

М.А.ЛОХВИЦКАЯ

ВРЕМЯ И ПОЭЗИЯ МИРРЫ ЛОХВИЦКОЙ

I

...Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех.
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их.
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

(М.Ю.Лермонтов, «Демон».)

Эти строки гениального поэта говорят нам о явлениях хотя и редких, но как молния озаряющих ход обычной жизни, так что, вероятно, каждый может припомнить нечто такое, с чем ему доводилось хотя бы раз столкнуться лично, либо по крайней мере слышать о чем-то подобном. Эти чистые души праведников, попадая к нам, служат вестниками Света и помогают сносить тяготы земного бытия. Всякий, кому посчастливилось знать таких избранников, не может забыть их до конца дней своих, и для многих они становятся путеводной звездой всей их дальнейшей жизни. Если же при этом они наделены творческим даром, то след от них остается не только в душах людей, знавших их, но и в виде блестящих образцов литературы и искусства. К сожалению, такие натуры обычно недолго гостят в нашем грешном мире, и Господь забирает их к себе.

... Как некий херувим,
Он несколько занес к нам песен райских,
Чтоб, возбудив бескрылое желанье
В нас, чадах праха, после улететь!

(А.С.Пушкин, «Моцарт и Сальери»)

Подобные явления встречаются во все времена и в разных уголках земли. Здесь в первую очередь приходят на ум такие имена, как Рафаэль и Моцарт, а у нас в России — талантливый и нежный Дм.Веневитинов, не проживший и 22-х лет, «дивный юноша» — поэт, критик, философ, музыкант, художник, друзья которого — будущие славянофилы — установили особый полумистический культ его памяти, собираясь ежегодно в течение чуть ли не сорока лет на траурный поминальный обед, за которым неизменно оставлялся пустой прибор «для отбывшего друга»; это и талантливая художница, не менее разносторонне одаренная Мария Башкирцева, умершая в 24 года, автор знаменитого «Дневника».

Хочется отнести к этой же плеяде и гениальную девочку — юную художницу Надю Рушеву, умершую уже в наше время в 17 лет от внезапного и, казалось бы, необъяснимого кровоизлияния в мозг, чьи серии рисунков о жизни Пушкина, о балете и особенно на темы «Мастера и Маргариты» М.Булгакова, по-видимому, надолго останутся непревзойденными.

К подобным натурам относится и та, которой посвящена эта статья. Но ее след на земле, ее творчество имеют свои отличительные особенности, которые сделали ее уникальным явлением русской, да и мировой поэзии.

Тем более поразительно, что, несмотря на в общем широкую известность при жизни, любовь к ней публики, друзей и коллег, она не была все же по достоинству оценена и еще тогда признана «несозвучной времени», затем основательно предана забвению вскоре после смерти, и даже сейчас, когда столько славных и незаслуженно забытых имен в русской литературе извлечены уже из небытия и переизданы, о ней по-прежнему еще не вспомнили по-настоящему.

Быть может, ее дарование не принадлежит к разряду первостепенных? Но присуждение ей Пушкинской премии Российской Академии наук — крупнейшей и почетнейшей из всех литературных наград в России, лауреатами которой с 1881 по 1919 гг. были А.Н.Майков, Я.П.Полонский, А.П.Чехов, И.А.Бунин, А.И.Куприн, В.В.Вересаев и многие другие славные наши литераторы — причем, в отличие от остальных, только ей премия была присуждена дважды; блестящие отзывы о ее поэзии таких знатоков, как Президент Академии наук, Великий князь Константин Романов, он же поэт К.Р., А.А.Голенищев-Кутузов, Вас.И.Немирович-Данченко, Ал.Н.Майков, К.Бальмонт, В.Брюсов, Вяч.Иванов и других — все это свидетельствует об обратном.

Но, может быть, творчество ее и впрямь устарело?

...Пойми простой урок моей земли:
Как Греция и Генуя прошли,
Так минет все: Европа и Россия.
Гражданских смут горючая стихия
Развеется... Расставит новый век
В житейских заводях иные мрежи...
Ветшают дни, проходит человек,
Но Небо и земля — извечно те же.

(М.А.Волошин, «Дом поэта».)

О Небе и земле и писала необыкновенная «голубая звездочка» русской поэзии — **Мирра Ло́хвицкая**.

Отчего же так сложилась посмертная судьба ее стихов?

II

Не люби́те мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. (I Иоан. 2, 15.)

Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас. (I Иоан. 3, 13.)

Мир потому не знает вас, что не познал Его. (I Иоан. 3, 1.)

И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что́ есть воля Божия. (Рим. 12, 2.)

Христианство оплодотворило всю мировую культуру и вот уже две тысячи лет продолжает питать своими соками философию и общественную мысль, литературу и искусство. Для скольких мыслителей и поэтов, художников и скульпторов служило и продолжает служить источником вдохновения и творчества Божественное откровение! Что же сказать о России, оплоте Православия? Нет нужды напоминать о таких ее деятелях, как преподобный Сергий Радонежский и Андрей Рублев, о Св. Серафиме и Оптинских старцах, о блестящей плеяде русских философов Серебряного Века. Многие произведения русской художественной прозы и изобразительного искусства XIX века также вдохновлены христианскими идеалами. Все это — общеизвестные факты. Однако если внимательно рассмотреть с этой точки зрения историю русской *поэзии*, вскоре сталкиваешься с неким на первый взгляд странным явлением. Если в XVIII веке такие русские поэты, как В.К.Тредиаковский, М.В.Ломоносов,

А.П.Сумароков, Г.Р.Державин, да в сущности и все остальные, создали немало произведений, проникнутых христианским духом, не говоря уже о стихах, прямо написанных на библейские темы, причем эти произведения играли в их творчестве заметную роль — достаточно назвать их многочисленные переложения Псалмов, «Размышления о Божием величестве» Ломоносова или оду «Бог» Державина — то с начала XIX века и на протяжении всего столетия количество таких произведений у ведущих русских поэтов резко падает, и значение их в творчестве каждого поэта в целом ослабевает. Кроме того, если у поэтов XVIII века, к примеру, непристойные стихи были редкостью — исключение составлял разве что пресловутый И.С.Барков, а прямо богохульных произведений нет и у него — то у большинства поэтов следующего столетия, наряду с отдельными возвышенными стихами на религиозные темы и помимо большого количества произведений в этом отношении нейтральных, можно найти и немало вещей, так сказать, противоположного свойства.

Разумеется, дело не только в том, чтобы стихотворение было написано обязательно на прямо религиозный сюжет: Дух дышит, где хочет (Иоан. 3,8). Дело в том, что с тех пор, как Пушкин написал:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен, —

русская поэзия XIX века все меньше стала напоминать «священную жертву» и все более погружалась в «заботы суетного света».

Даже в огромном, разностороннем и лучезарном стихотворном наследии самого Пушкина такие замечательные стихотворения, как «Пророк» (1826 г.), «В часы забав иль праздной скуки...» (1830) или «Отцы пустынники и жены непорочны...» (1836) составляют скорее счастливое исключение и едва уравновешивают юношеские, мягко выражаясь, шалости наподобие «Гавриилиады».

Этому феномену есть много объяснений. «...И только тут я понял всю глубину и серьезность так называемого «петровского разрыва», — говорит вдумчивый исследователь (Н.С.Лесков, «Шерамур»). Тут и нарастающая секуляризация общества, и расхождение путей русского народа (и духовенства в том числе как его неотъемлемой части) с культурой «высшего общества», и влияние Вольтера и французских энциклопедистов... А.И.Кошелев, член московского элитарного «Общества любомудрия» (философии), в которое в 20-х годах прошлого века входили кн. В.Ф.Одоевский, Дм.Веневитинов, Ив.Киреевский, в своих «Записках», изданных в 1884 г. в Берлине, вспоминал о заседаниях Общества: «Тут говорила немецкая философия, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг и др. ...Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили

Спинозу, и его творения мы считали много выше евангельских и других священных писаний.»

Так или иначе, но факт остается фактом: именно поэзия, как наиболее чуткий барометр настроений общества, отразила эти процессы сильнее других видов литературы и искусства.

Разумеется, и тут были исключения, к которым можно отнести, например, творчество А.С.Хомякова или многие стихи Вл.Соловьева. Беда в том, что масштаб их чисто поэтического дарования не позволил их стихам стать достаточно существенным явлением в общей панораме русской поэзии XIX века.

До какой степени сознание многих даже весьма талантливых поэтов ушло далеко от евангельского понимания сути вещей, можно судить по следующему красноречивому примеру. В известном стихотворении «Размышления у парадного подъезда» Н.А.Некрасов, укоряя вельможу, именем которого были отогнаны от входа в его хоромы бедные крестьяне-просители, пишет:

...И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»...
А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! *В тебе их спасение!* *

И невдомек поэту, что богач — не спаситель этих людей, что он сам гораздо больше них нуждается в спасении, которое, т.е. его спасение, во многом как раз от них-то и зависит! Таким образом, чтобы не впасть в «ересь саддукейскую», поэту надо было бы сказать:

«Вороти их! *Твое в них спасение!*»

Ибо сказано: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному их сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.» (Мат. 25, 40.)

«...Наиболее влиятельная критика, публицистика и литературоведение сто лет находилось в руках именно тех, кто сетовал на отход Гоголя от художественной литературы в область религиозно-нравственной проповеди, кто возмущался подобными же стремлениями Толстого, кто высмеивал каждого писателя, желавшего показать своим творчеством или доказать образом своей жизни, что религиозная жажда в человечестве совсем не угасла. ...Все столетие... шло под знаком развенчания и ниспровержения самодовлеюще-религиозных идеалов.»[17**]

Особенного же размаха это искажение, постепенно нарастая, приняло к концу столетия, превратившись в какое-то повальное умственное затмение русской критики и читающей публики. «Стихи без барабан—

---

* Здесь и далее курсив мой. Г.Л.

** Здесь и далее см. соответствующую цифру в списке библиографии на стр.26.

ного грохота гражданских чувств по Некрасову и политической подоплеки по Михайловскому казались чуть ли не преступлением, «в наше время, когда...», и проч., и проч., и проч.»[8]

Думается, наиболее замечательные стихотворения на христианские темы в XIX веке принадлежат гениальному М.Ю.Лермонтову. У него их также немного, но по силе проникновения они сияют на небосклоне русской поэзии как звезды первой величины. Это стихотворения:

«Ангел» («По небо полуночи ангел летел...») (1831 г.);

«Когда волнуется желтеющая нива...» (1837);

Три стихотворения под названием «Молитва»:

— «Не обвиняй меня, всесильный...» (1829),

— «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» (1837),

— «В минуту жизни трудную...» (1841),

«Выхожу один я на дорогу...» (1841)

и поэма «Демон» (1841).

Нечто подобное по мощи и таланту русской христианской поэзии удалось создать еще только дважды. Я имею в виду стихотворения Бориса Пастернака: «На Страстной», «Рождественская звезда», «Гефсиманский сад», «Рассвет», «В больнице», «Август» — и, отделенное с обеих сторон от двух вышеназванных явлений равными временны́ми промежутками примерно по 60 лет, — творчество Мирры Лохвицкой.

III

...И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

(М.Ю.Лермонтов, «Ангел».)

Замечательная русская поэтесса Мирра Лохвицкая родилась 19 ноября 1869 года в Санкт-Петербурге, где прошла почти вся ее короткая жизнь, в родовитой дворянской семье. Многим слышалось в ее имени и фамилии нечто экзотическое. Однако звали ее Мария Александровна, Мирра — это ее поэтический псевдоним, а фамилия Лохвицкая (с ударением на первом слоге!) происходит от украинского городка Лохвицы (ныне районный центр в Полтавской области, вблизи гоголевского Миргорода, названного в свою очередь от речки Лохвицы). Ее прадед Кондратий Лохвицкий (1774 — 1830), сенатор и масон (как и большинство русских вельмож того времени, не исключая и самих императоров Павла I и Александра I), писал мистические стихи. Отцом ее был Александр Владимирович Лохвицкий (1830-1884), хорошо известный в

Петербурге адвокат, оратор, профессор уголовного права, автор научных трудов, издатель и редактор «Судебного вестника». Знаменитый и весьма плодовитый русский писатель Василий Иванович Немирович-Данченко (1848-1936), литературным талантом, кстати, значительно превосходивший своего младшего брата, известного основателя (вместе со Станиславским) Московского Художественного театра, о котором только сейчас у нас начинают вспоминать после многих лет остракизма, которому он был предан властями в наказание за эмиграцию после революции, писал:

«Знаменитый Александр Владимирович Лохвицкий — адвокат — один из талантливейших поэтов трибуны своего времени. О нем рассказывали бесчисленные анекдоты, и будь в тогдашней России народное представительство, мы в нем имели бы первоклассного политического оратора. Его ответы — всегда неожиданные, меткие — поражали своей находчивостью. Я хорошо помню, как один москвич, спасенный им от крупного и грозившего бубновым тузом на спину уголовного дела, скряга и загребистая лапа, умиленно и елейно обратился к нему:

— Благодетель Александр Владимирович! Не знаю, какому Богу за вас молиться. Как, и в толк не возьму, — благодарить вас!..

— С тех пор, как финикиане изобрели денежные знаки, об этом не может быть никакого вопроса!..»[8]

Его жена была обрусевшей француженкой, любительницей поэзии, знатоком европейской и русской литературы. У Лохвицких было пятеро детей: старший сын Николай и четыре дочери: Мария — будущая Мирра, затем Надежда, Елена и Варвара.

«Воспитывали нас по-старинному —всех вместе на один лад, и ничего особенного от нас не ожидали», — вспоминала Надежда. Однако, по-видимому, именно такое воспитание дало прекрасные плоды.

Старший сын Николай стал доблестным боевым генералом русской армии, георгиевским кавалером, и в 1-ю мировую войну командовал русским экспедиционным корпусом во Франции. Его высоко ценил главнокомандующий французскими войсками Жозеф Жоффр.

Все четыре сестры обладали литературным талантом. Еще в гимназии они начали писать стихи, завели знакомства в литературных и художественных кругах. Александр Бенуа впервые от сестер Лохвицких услышал о Д.Мережкоском и З.Гиппиус.

На семейном совете сестры дружно решили, что им не следует выступать в печати одновременно, «чтобы не было зависти и конкуренции» (!). Первое место предназначалось старшей сестре Марии.

«Мы, сестры, уговорились не мешать Мирре, и только когда она станет знаменитой и, наконец, умрет, будем иметь право печатать свои произведения, а пока все-таки писать и сохранять, в крайнем случае — для потомства», — рассказывала Елена.

Вторая сестра, Надежда, также была наделена богатым литературным талантом. Чтобы ее не путали со старшей сестрой, она взяла себе литературный псевдоним Тэффи (по имени персонажа одного из стихот-

ворений Р.Киплинга). «Кто не знает Тэффи, изящный смех которой едва ли не ставит ее выше даже всемирно известных писателей, как Джером Джером и Марк Твен? Но, наверное, девять десятых ее читателей совсем не знакомы с оригинальными поэтическими отрывками ее музы. Тэффи — автор прелестных, нежно окрашенных стихов, которым, к величайшему сожалению, она не придает никакого значения.»[8]

Надежда Александровна Лохвицкая (Тэффи), проведшая вторую половину своей жизни в эмиграции, скончалась в 1952 году в возрасте 80 лет в Париже.

Две другие сестры, Елена и Варвара, тоже не без успеха пробовали свои силы в литературе.

Отец Мирры скончался, когда ей было только 15 лет. После домашней подготовки Мирра поступила в Московский Александровский институт, где ее учителем русской словесности был маститый поэт Ап.Н.-Майков. После окончания курса она в возрасте 19 лет вышла замуж за профессора архитектуры Евгения Эрнестовича Жибера. В связи с его службой семья жила сначала в Тихвине, затем Ярославле, потом в Москве и, наконец, в Петербурге. На следующий год после замужества в жизни молодой женщины произошло два важных события: родился сын, первый из троих ее детей*, и она начала регулярно публиковаться в петербургских изданиях: журналах «Север», «Русское обозрение» и других. Вскоре о молодой поэтессе заговорили.

Начало ее поэтической карьеры было светлым и многообещающим, мнение критиков — единодушным: в русской поэзии появился новый крупный талант.

«Перед нами бесспорный поэтический талант. Среди массы современных стихотворцев, заблудившихся в туманных дебрях декадентской риторики, г-жа Лохвицкая блестит... красивой ночной бабочкой. По нашим антипоэтическим временам и это уже много!»[9]

«Мирра Лохвицкая — талантливейшая поэтесса, яркая, гордая и красивая.» (Виктор Окс.)

«Что касается Мирры Лохвицкой, то в самом делее ее поэтическое дарование оказалось перворазрядным.

Стихи сверкали, отшлифованные, как драгоценные камни, и звонкие, как золотые колокольчики.»[11]

«На нашем тусклом горизонте она мелькнула яркою голубою звездочкой.

---

* По другим данным, у М.А.Лохвицкой было пятеро детей, из которых выжило трое.

Сколько надежд связывалось с нею! Как восторженно встретили ее все, кому дорога была истинная поэзия. ...Ее строфы заучивались наизусть. ...Ее ожидал ряд долгих годов и настоящая большая слава; с каждым новым произведением Лохвицкая все дальше и дальше оставляла за собою позади молодых поэтов своего времени. ...

Она уже и тогда в полной мере обладала техникой. ...Она больше, чем кто-нибудь, отличалась музыкальным ухом и, пробегая по строкам взглядом, слышала стихи. ...

Стихов ее искали. Их охотно печатали. ...У нее не было врагов, хоть для этого она обладала достаточным талантом. Ее успеху не завидовали — эта маленькая фея завоевала всех ароматом своих песен...

Все обещало ей чудный рассвет.

Повторяю — у нее был большой настоящий талант, сейчас же признанный всеми. ...Поэтесса «милостью Божьей». ...В какие светлые миры она умела уносить тех, кто ее слушал! И как прелестно было все так и мерцавшее лицо, смуглое, южное, золотистое!»[8]

Успех молодой поэтессы шел по нарастающей, и, наконец, в 1896 году в Москве и Санкт-Петербурге вышел 1-й том ее стихотворений, за который ей была присуждена Пушкинская премия Российской Академии наук. Рецензент, известный поэт и критик А.А.Голенищев-Кутузов, в подробном критическом разборе ее сборника писал:

«В поэзии г-жи Лохвицкой сплошь просвечивает истинное дарование, а внешняя форма стихотворений весьма привлекательна. Стихом г-жа Л. владеет хорошо: он звучен, безыскусственно прост... К достоинствам внешней формы стихотворений г-жи Л. следует еще причислить богатство рифм.

Переходя к внутреннему содержанию поэзии г-жи Л., мы должны заметить, что... все образы, картины, мысли и речи... до бесконечности разнообразны и притом, взятые в отдельности, почти всегда красивы, оригинальны и жизненны. ...

Наконец, встречаются стихотворения, ...в которых, со свойственной ей искренностью, г-жа Л. выражает чувство ...стремления к чему-то высшему и лучшему... Появление их из-под пера такой искренней писательницы, как г-жа Л., подает надежду на то, что ее поэтический кругозор расширится, и что талант ее почерпнет из сокровищницы жизни более разнообразное и богатое содержание, чем это было до сих пор. ...

Мы можем только искренне пожелать ...наступления нового творческого периода в литературной деятельности г-жи Л., чтобы «обрывки мыслей» и «клочья света» — превратились в настоящие мысли и «настоящий свет», который озарил бы для нее значение жизни не только как алтаря любовных наслаждений, не только как храма красоты, но и как чертога добра и божественной правды.»[9]

Критику вторит и такой авторитетный судья, как сам Лев Николаевич Толстой:

«Это пока ее зарядило... Молодым пьяным вином бьет. Уходится, остынет — и потекут чистые воды!»[8]

Эти проницательные пожелания вполне сбылись в дальнейшем творчестве поэтессы, что, однако, принесло ей, пожалуй, более шипов, нежели роз. Но это уже не ее вина.

IV

Идеи,чувства — всё наоборот,
Всё под углом гражданского протеста.

(М.А.Волошин, «Россия».)

И я испортился с тех пор,
Как времени коснулась порча.

(Б.Л.Пастернак, «Перемена».)

Вы времени пришлись по вкусу!...
Глупцы, ничтожества и трусы.
Быть может, в этом божий перст...

(Б.Л.Пастернак, «Друзья, родные, милый хлам...».)

Что за нравы, что за время!

(М.Лохвицкая, «В наши дни».)

Текли годы, один за другим появлялись нежно любимые ее сыновья — Измаил, Валерий, Евгений, которым Мирра посвящала чудесные стихи... Появлялись также один за другим и небольшие изящные томики ее стихов. Всего при жизни их вышло пять.[2-6] По-прежнему успех ее у публики был велик.

Помимо лирических стихотворений, Лохвицкая пробует свои силы в различных жанрах поэзии. Она создает несколько поэм, а также пьес в стихах (она называла их драматическими поэмами), в основном на исторические средневековые и восточные темы. «Эпический род поэзии... не чужд дарованию г-жи Лохвицкой.»[9]

«Настоящими перлами поэзии г-жи Лохвицкой, где громче всего и полнее звучат струны ее сердца, являются, по нашему мнению, две драматические фантазии довольно значительно объема — «На пути к востоку» и «Вандэлин».[10]

Однако наибольших успехов поэтесса достигла всё же в жанре лирики, где она царила безраздельно.

Здесь живу без горечи и гнева,
Оградясь от зависти и лжи.
Я одна, зато я — королева,
И мечты мне служат, как пажи.

(«Крылья».)

Василий Иванович Немирович-Данченко уже в эмиграции написал трогательные воспоминания о дружбе известного писателя, неутомимого путешественника, объездившего весь мир, с девочкой-гимназисткой, начинающей талантливой поэтессой Миррой Лохвицкой, о которой на склоне лет он вспоминал как едва ли не о лучшем, что было в его долгой и богатой событиями жизни.

И Иван Алексеевич Бунин в своих поздних воспоминаниях, опубликованных уже после второй мировой войны в Париже и изобилующих суровыми и нелестными высказываниями о русских литераторах, для Мирры Лохвицкой сделал исключение, отозвавшись о ней необычно тепло:

«Одно из самых приятных литературных воспоминаний — о Мирре Александровне Лохвицкой. Говорит... очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью. Я знал ее довольно долго, посещал ее дом и был с ней в приятельстве.

— Миррочка, дорогая, опять лежите?

— Опять.

— А где ваша лира, тирс, тимпан?

Она заливалась смехом:

— Лира где-то там, не знаю, а тирс и тимпан куда-то затащили дети...

И все в ней было прелестно: звук голоса, живость речи, блеск глаз, эта милая, легкая шутливость... Она, и правда, была тогда совсем молоденькая и очень хорошенькая. Особенно прекрасен был цвет ее лица — матовый, ровный, подобный цвету крымского яблока.»[16]

Константин Дмитриевич Бальмонт, находившийся на рубеже XIX и XX веков в зените славы, познакомившись с Миррой Лохвицкой, был потрясен этой, как он выражался, «художницей вакхических видений, русской Сафо, знающей тайну колдовства.» Он писал:

Я знал, что, однажды тебя увидав,
Я буду любить тебя вечно.
Из женственных женщин богиню избрав,
Я жду и люблю бесконечно.

Раннее замужество поэтессы и, видимо, сам предмет его вызвали заметный скептицизм у друзей и ценителей ее дарования.

«В жизни каждой женщины два периода: до замужества и после. Обещания первого никогда не исполняются вторым. Как много способных и талантливых девушек — и не понятно, почему так мало даровитых

жен. Неужели все свои способности они разматывают в супружеских постелях? И стоят ли в самом деле тюфяки и перины таких жертв? Может быть, семья (не очень-то дорого это удобрение человечества) и выигрывает, но высшие интересы культуры и искусства страшно теряют. Может быть, с Миррой Лохвицкой и не случилось бы этого: противореча законам природы, из бархатной и яркой солнечной бабочки она не обратилась бы в тяжеловесную прожорливую гусеницу...»[8]

«Эта очаровательная поэтическая девушка, исключительно одаренная и, по-видимому, не предназначенная к семейной жизни, вскоре завоевала видное место в литературе и вышла замуж за чиновника, по-видимому, имевшего общение с поэзией только через посредство жены.»[11]

Первый том своих стихотворений поэтесса, однако, открыла таким четверостишием:

Мужу моему Евгению Эрнестовичу Жибер.

Думы и грезы мои, — и мечтанья заветные эти
Я посвящаю тебе. Все, что мне в жизни ты дал:
Счастье и радость, и свет — воплотила я в красках и звуках.
Жар вдохновенья излив — в сладостных песнях любви.

И все же внимательный читатель ее стихотворений, таких, как «Quasi una fantasia», «Умей страдать», «Есть что-то грустное...», «Избрав свой путь...», «Ты мне не веришь...», «Моя печаль» и особенно потрясающее стихотворение «Крылья», сквозь однообразную канву ее небогатой внешними событиями жизни угадывает в ней некую тайну, какой-то надлом, подтачивавший ее хрупкую натуру и, вероятно, ускоривший ее раннюю кончину.

Поразительнс как в стихотворении, называющемся так же, как и «Лунная соната» Бетховена — «Quasi una fantasia» — молодая поэтесса сумела, кажется, в точности увидеть то, что произойдет с нею после конца ее недолгого земного пути. Лишь много десятилетий спустя к подобным явлениям было привлечено всеобщее внимание известными работами Рона Моуди — «Жизнь после жизни» — и других ученых.

Начиная примерно со второго тома стихов Лохвицкой постепенно меняется преобладающее настроение критики. Поэт Лиодор Пальмин писал: «...Питерская Мирра Лохвицкая — птичка-невелика, от земли не видать, а тот же Вукол Лавров читает ее и пузыри на губы пускает. Начал бы ее в «Русской мысли» печатать, да боится наших Мидасов-Ослиные уши, чтобы те его за отсутствие гражданского протеста не пробрали.»[8] На общем благожелательном фоне постепенно проявляется недовольство и даже раздражение «узостью кругозора» молодой поэтессы, отсутствием в ее творчестве «общественных интересов» и тому подобных обязательных тем. Отмечали также чрезмерную откровенность и даже эротизм ее любовных стихов.

«Мирра Лохвицкая писала смелые эротические стихи, среди которых славится «Кольчатый Змей», и была самой целомудренной замужней дамой в Петербурге. На ее красивом лице лежала печать, или, вернее, тень какого-то томного целомудрия, и даже «Кольчатый Змей», когда она декламировала его где-нибудь в литературном обществе или в кружке Случевского или Полонского, казался ангельски-чистым и целомудренным пресмыкающимся.»[11]

«Поэзия г-жи Лохвицкой — музыка здоровой и сильной молодой души, от будничной прозы окружающей жизни порывающейся в солнечный край мечты, где все — любовь, счастье и полнота жизни. Царство природы — настоящий храм для такой поэзии, в котором поются ее лучшие гимны и отыскиваются лучшие утешения.

Из всех человеческих страстей любовь — самое сильное и прекрасное чувство, во все времена и у всех народов по преимуществу окрылявшее молодость и вдохновлявшее поэтов, и г-жа Лохвицкая также умеет выражать это чувство в грациозной и изящной форме.

Не только грациозно, но и трогательно выражена в ее стихах и юная материнская любовь.

Все лучшие мотивы ее стихотворений относятся к жизни природы, к страданиям и грезам молодой женской души. ...

Какие грациозные образы, легкие и прекрасные, как майская гроза! Да, это — поэзия, неподдельная, полная чудного очарования!

Как приятно было бы нам этим и закончить отзыв о стихах г-жи Л.; но, к сожалению, говоря об них, невозможно ограничиться одними похвалами, а приходится поставить даже очень длинное «но». И прежде всего, следует указать на прямо-таки изумительную узость духовного кругозора нашей поэтессы, на ее чисто-институтскую наивность и неразвитость, особенно во всем, что касается положения женщины в обществе. Перед нами точно будто не образованная писательница, живущая в просвещенной стране на заре XX века, а какая-то «восточная роза», для которой мир ограничивается стенами гарема, где женщина — рабыня или царица... Эти взгляды и чувства до того первобытно-дики, что значительную долю вины за них, несомненно, нужно возложить на какие-либо исключительные условия личного воспитания г-жи Л. ...Несомненно, что именно эти исключительные (хотя и неизвестные нам) условия были тем проклятием ее симпатичной поэзии, которое «дохнуло отравой ядовитой на девственный рассвет ее весенних дней». Мы имеем в виду ту печальную (и, увы, справедливую!) известность, какую приобрела г-жа Л. охотным допущением в свои стихи двусмысленного и даже прямо скабрезного элемента.

«Вдруг чье-то жаркое дыханье
Мне грудь и плечи обожгло...»

Содержание стихотворения «Миг блаженства», изображающего, как «любовь-чародейка бросила нас в объятья друг друга в полночный

таинственный час» и что из этого произошло, положительно неудобно для цитирования. ...

Положительно стыдно становится за неподдельный поэтический талант г-жи Л., способной воспевать подобное «счастие»! ...

В осенней грезе у пылающего камина ей чудится «в потоке сиянья пурпурного мраморных ног красота». Почему непременно — ног? Неужели в ногах, хотя бы и мраморных, высшая человеческая красота?

Цену стихотворения (5 руб. за три небольших томика) нужно признать неумеренной. Публика, однако, раскупает их хорошо; хотелось бы только знать: какая сторона поэзии г-жи Лохвицкой привлекает к себе такое внимание?»[10]

В наше время, когда самые «смелые» стихи Мирры Лохвицкой кажутся верхом целомудрия, подобные поучения грозного блюстителя нравственности ничего, кроме улыбки, вызвать не могут, а предположения критика о каких-то особых условиях ее воспитания, ставших «проклятием» ее поэзии, в свете истинных обстоятельств ее жизни как до, так и после замужества также представляются весьма забавными и не делают чести его проницательности.

Однако если недалекие критики-ретрограды вроде П.Ф.Якубовича-Гриневича упрекали поэтессу за упомянутый элемент ее поэзии, то поэты-символисты К.Бальмонт, В.Брюсов, А.Белый, Вяч.Иванов, восторженно встретившие ее как своего единомышленника и товарища, напротив, именно эту сторону ее раннего творчества оценивали весьма одобрительно.

«К Мирре Лохвицкой применимы слова Гёте о «двух душах, живущих, ах, в одной груди!»

Первая ее душа, всецело отразившаяся в первой ее книге стихов, ищет ясности, кротости, чистоты, исполнена сострадательной любви к людям и страха перед тем, что люди называют «злом». Вторая душа, пробудившаяся в Мирре Лохвицкой не без постороннего влияния, выразилась в ее втором сборнике, пафос которого — чувственная страсть, героический эротизм, презрение к толпе. В дальнейших книгах Лохвицкой два этих мировоззрения вступают в борьбу, поэт влечется к «греху», но не как к должной цели, а именно как к нарушению правды, и этим создается поэзия истинного демонизма. По художественности песни греха и страсти — лучшее, что создала Лохвицкая, но психологически — всего замечательнее именно эта борьба, эти отчаянные поиски спасения, — все равно в чем, хотя бы просто в вечно-женском материнстве, — которыми полны последние, предсмертные стихи поэта. ...Внимательного читателя всегда будет волновать и увлекать внутренняя драма души Лохвицкой, запечатленная ею во всей ее поэзии.»[12]

Трудно понять, как мог столь эрудированный поэт и критик, как Валерий Брюсов, настолько превратно понять самую суть поэзии Лохвицкой. К этому привело его стремление втиснуть живое явление в прокрустово ложе жесткой декадентской схемы.

Более проницательным в оценке творчества Мирры Лохвицкой оказался Вячеслав Иванов, но и он не смог полностью отрешиться от расхожих символистских штампов:

«Да, боги любили Мирру: оттого ее песнь лилась с несравненною мелодическою легкостью и грацией, — «легкою стопой приближается божественное». Хариты любили ее, но больше всех богов возлюбила бессмертная Афродита, со своим крылатым сыном — Эротом. ...Поэтесса каждым трепетом своей стройной лиры служила ей, златокудрой богине, — ее священная голубица, — и эта коренная, природная связь ее гения с божественною стихией Киприды-Анадиомены уподобляла ее древней Сафо: недаром и слыла она «русскою Сафо». Страстная, язычески смелая влюбленность была ее постоянным пафосом: она казалась жрицею любви, «только любви»; свой сверкающий, как мраморное тело, стих она торжественно обливала благовониями, окутывала яркими, сладострастно скользящими тканями. Ей к лицу было имя Мирра, роскошно-благоуханное и изнеженное, как Иония. В ней была древняя душа, страстная и простая, не страдающая расколом духа и плоти; а глубина, исполненная светом и потому не казавшаяся глубиной непривычному взгляду. И к христианству относилась она с мягким умилением нераздвоенной, извне стоящей души языческой, откликаясь на него всею природной, здоровой добротой своей. Такая душа почти непонятна современному снобизму; такая античная гармония должна казаться внешней, безличной, бессодержательной новому субъективизму, полному разлада и противоречий. ...

Многим нравился талант Лохвицкой, как нравится многим нега и грусть беззаветной страсти, «ночи безумные, ночи бессонные»... Среди «утончёнников», быть может, всех ближе и роднее была она Бальмонту, столь же простому, непосредственному, как она.»[13]

Следует, пожалуй, отметить и несомненное влияние на тематику и стиль ее ранней поэзии стихов Дм.Мережковского, который был на три года старшее ее.

Между тем, пока одни знатоки упрекали поэтессу за сильные стороны ее стихов, в то время как другие, напротив, хвалили за относительно слабые, ее творчество развивалось неуклонно и гармонически. Не обращая внимания на придирки критиков, она опровергала их своими новыми стихами, доказав, что ей отнюдь не чужда злоба дня и острое чувство современности, только выражает она их по-своему.

Что за нравы, что за время!
Все уныло тащат бремя,
Не мечтая об ином.
Скучно в их собраньях сонных,
В их забавах обыдённых,
В их веселье напускном.

...И на радость лицемерам
Жизнь ползет в тумане сером,
Безответна и глуха.
Вера спит. Молчит наука.
И царит над нами скука,
Мать порока и греха.

(«В наши дни».)

И в наши дни отнюдь не устарели строки из стихотворения «В долине лилии цветут...»:

В долине лилии цветут... Идет на брата брат.
Щитами бьются о щиты, и копья их стучат.
В добычу воронам степным достанутся тела,
В крови окрепнут семена отчаянья и зла.

В долине лилии цветут. Клубится черный дым.
На небе зарево горит зловещее над ним.
Огонь селения сожжет, и будет царство сна.
Свой храм в молчанье мертвых нив воздвигнет тишина.

(«В долине лилии цветут...»)

Стихотворение «Сказки и жизнь», описав пленительным сверкающим стихом добрые старые сказки о Сандрильоне-Золушке, Спящей красавице и Белоснежке, с их «вечно-радостным концом», поэтесса завершает необычной саркастической концовкой:

Плачет в кухне Сандрильона. Доброй феи нет следа.
Спит принцесса в старом замке, позабыта навсегда.
Служит гномам Белоснежка. Злая мачеха жива.
Вот вам жизнь и вот вам правда, а не вздорные слова.

Особенно примечательно в этом отношении стихотворение «Красный цвет», которое невозможно не привести целиком:

КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Мне ненавистен красный цвет
За то, что проклят он.
В нем преступленья долгих лет,
В нем казнь былых времен.

В нем блеск дымящихся гвоздей
И палачей наряд.
В нем пытка — вымысел людей,
Пред коим бледен ад.

В нем звуки труб, венцы побед,
Мечи из рода в род —
И кровь, текущая вослед,
Что к Богу вопиёт!

И это написано в дни первой русской революции, когда даже Максимилиан Волошин создавал такие строки:

Народу русскому: я скорбный ангел мщенья.
Я в раны черные — в распахнутую новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья,
И голос мой — набат. Хоругвь моя, как кровь.

Поражаешься проницательности молодой поэтессы, своим творчеством доказавшей правоту поздних строк того же М.Волошина:

Творческий ритм — от весла, гребущего против теченья.

Символисты «не заметили» эволюции творчества Лохвицкой: его естественного освобождения от мотивов земной страсти и напускного «демонизма», как от ненужной скорлупы, и от чего сами они так и не смогли освободиться. И сентенции Вяч.Иванова о «к христианству извне стоящей души языческой» относились, конечно же, к нему самому и его единомышленникам, но никак не к той, о которой он писал, и которая отвечала на все нападки и непонимание полными достоинства строками:

Напрасно в безумной гордыне
Мою обвиняют мечту
За то, что всегда и поныне
Я Духа великого чту.

Горда осененьем лазурным
Его голубого крыла,
Порывам ничтожным и бурным
Я сердце свое заперла.

Но храма высот не разрушу!
Да светочи к Свету ведут.
Несу я прекрасную душу,
Ее же представлю на Суд.

(«Святое пламя».)

Да, символисты не увидели освобождения ее души, горящей неземным светом небесной любви. Но здесь автор умолкает, чувствуя свое бессилие и отсылая читателя к стихам самой Лохвицкой:

В скорби моей никого не виню.
В скорби — стремлюсь к незакатному дню.
К свету нетленному пламенно рвусь.
Мрака земли не боюсь, не боюсь.

Счастья ли миг надо мной промелькнет,
Злого безволья ль почувствую гнет, —
Так же душою горю, как свеча,
Так же молитва моя горяча.

Молча пройду я сквозь холод и тьму,
Радость и боль равнодушно приму.
В смерти иное прозрев бытиё,
Смерти скажу я: «Где жало твоё?»

Но если символисты предпочли «не заметить», то левая , «передовая» критика очень хорошо увидела этот нестерпимый для них свет. Как сказано, «и бесы веруют, и трепещут.» (Иак. 2, 19.) И до сих пор по всем справочникам и энциклопедиям гуляет штампованная легенда о поэтессе, далекой от жизни и от «общественных интересов». Но если время отвергло *такую* поэзию, то позволительно спросить, что же это за время? Не то ли, о котором сказано: «Но теперь — ваше время и власть тьмы»? (Лук. 22, 53.)

Мирра Лохвицкая — Мария Александровна Лохвицкая-Жибер — скончалась в Петербурге 27 августа 1905 года. Ее внезапная смерть до сих пор окутана тайной. Ей не было и 36-ти лет. Остались муж и трое детей. Официальная версия говорила о туберкулезе легких. Безвременная кончина поэтессы вызвала много откликов и некрологов:

«Это была сама непосредственность, свет, сиявший из тайников души и не нуждающийся ни в каких призмах и экранах, чтобы чаровать тех остолопов, которые ищут в поэзии того, чего они никак уяснить себе не могут. Поэтесса «милостью Божией», а не свободным плебисцитом газетных апашей — она задумывала много, но...

Она жила не долго! ...

Жизнь ее оборвалась рано, внезапно и трагически. ...Наша «звезда», еще не разгоревшись, погасла. Я до сих пор не могу равнодушно вспоминать ее. Не в силах — прошли уже годы — помириться, не погрешу, сказав — с великою потерей для нашей литературы.»[8]

«Измученная частыми родами и снедаемая какой-то вечной тоской, Мирра умерла во цвете лет.»[11]

«Богам желанный умирает молодым», — суеверно и мудро говорили эллины. ...Сказала ли она все, что имела, своим плодовитым творчеством? Кто скажет да, после V-го тома ее творений, полного новых раздумий и предчувствий, новой углубленности и горечи?.. На нерукотворном памятнике, который она себе воздвигла, мнится, начертаны слова, взятые ею эпиграфом ко II-му тому ее стихотворений: «Amori et dolori sacrum.»* «Amori et dolori», — говорим и мы, возлагая цветы на ее раннюю могилу.»[13]

---

* «Любви и страданию посвящается.» (лат.)

«...Но ты, певучая, с устами-лепестками,
Как ты умела быть нездешней между нами!»

(Константин Бальмонт)

Отозвались на ее смерть также Александр Блок, Валерий Брюсов и многие другие деятели русской литературы. А Игорь Северянин после смерти Мирры учредил своего рода ее культ и в каждую годовщину в течение многих лет посвящал ей восторженные стихи. Вот одно из них:

27 АВГУСТА 1920 ГОДА

Что значит время? Что значат годы?
Любовь и верность сильнее их!
Пятнадцать вёсен слагает оды
И славословит ее мой стих.

Пятнадцать вёсен — пятнадцать маев!
Сирень раскрылась пятнадцать раз!
И лед, пятнадцатый раз растаяв,
Открыл для глаз голубой атлас...

Пятнадцать вёсен — романов главы,
Успехов пламя, цветы удач...
А сколько счастья! А сколько славы!
Блестяще вырешенных задач!

Так что мне годы! Обезвопросен
Их тленный облик. Ее слова
Всегда бессмертны. Пятнадцать вёсен,
В могиле лежа, она жива!

Через три года после кончины Мирры Лохвицкой, в 1908 году, вышел посмертный сборник ее стихов «Перед закатом», проникновенное предисловие к которому написал известный поэт К.Р. — Президент Академии наук, Великий князь Константин Романов.

«На мою долю выпала лестная задача написать разбор представленного на соискание Пушкинской премии V-го тома стихотворений М.А.-Лохвицкой. Но моему отзыву не суждено было быть прочтенным ею, хотя я написал его еще при ее жизни, и ей была присуждена Пушкинская премия. Г-жа Лохвицкая не дожила до увенчания своих произведений: премия досталась ее детям. Да будет мне позволено теперь, когда родственники покойной выпускают в свет ее неизданные стихотворения, предпослать им несколько слов. ...

В этих стихах есть несомненная струя поэзии, ... есть виртуозность, радующая и пленящая «любителя чистых вдохновений», есть умение пользоваться поэтическими образами, есть превосходная фактура стиха и художественная, мастерская их отделка.

К знакомым красочным и душистым особенностям творчества усопшей присоединяются звуки, раньше у нее не встречавшиеся; мне

слышится в них предчувствие близкой смерти.

Стихотворение «День Духа Святаго» обращает на себя внимание не только своеобразностью размера, но и красотою и таинственностью содержания. ...

Хочется к самому безвременно покинувшему нас автору применить одно из его предсмертных стихотворений:

УХОДЯЩАЯ

С ее опущенными веждами
И целомудренным лицом
Она идет, блестя одеждами,
Сияя радужным венцом.

И мысли ей вослед уносятся.
С воскресшим трепетом в груди
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
«Взгляни, помедли, подожди!»

К.Р.

Павловск, 1 апреля 1908.»[7]

Но русская литература к этому времени уже слишком далеко отошла от чистого родника, питавшего творчество Мирры Лохвицкой. После 1908 года и до наших дней из печати не вышло ни одной (!) книги ее стихов, и только в последние годы в различных сборниках и антологиях стали попадаться в небольшом количестве отдельные, причем зачастую не самые сильные ее стихотворения.

В.Брюсов в некрологе Мирры Лохвицкой написал: «Для будущей "Антологии русской поэзии" можно будет выбрать у Лохвицкой стихотворений 10-15, истинно безупречных.»[12] При всем уважении к мэтру символизма позволю себе не согласиться с его снисходительным утверждением и предположить, что таковых у Мирры Лохвицкой по крайней мере раза в 4-5 больше, чего, как показало беспощадное время, нельзя, к сожалению, сказать о самом В.Брюсове.

Случаев, когда творец на каком-то этапе опережает свою публику, так что даже самые восторженные поклонники отворачиваются от него, можно припомнить много. Хорошо, если признание приходит не слишком поздно, но ведь так бывает далеко не всегда. Пушкин в конце 20-х годов прошлого века сильно утратил популярность среди большинства читающей публики, которая не приняла новой глубины его произведений. Джузеппе Верди в своих лучших, последних операх пошел наперекор вкусам своих неистовых почитателей, ценивших в его музыке в основном простую, доступную мелодичность; а творчество Бориса Пастернака, при жизни бывшее достоянием довольно-таки узкого круга знатоков и ценителей, а сейчас признанное жемчужиной русской поэзии! И, если уж на то пошло, отчего не вспомнить толпу, восторженно приветствовавшую

вход Господень в Иерусалим, а через немногое время так же неистово кричавшую: «Распни, распни Его!»

С Миррой Лохвицкой произошло нечто подобное: коротко говоря, «время» отвергло вечность.

И что же в этом удивительного? Не так ли поступил и избранный народ? Они получили, что хотели. «И разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне, за то, что ты не узнал времени посещения твоего.» (Лук. 19, 44.)

Что-то всеми навек утрачено...
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвя́чиной
Над пропащею этой гульбой.

(С.Есенин. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»)

Что ж, новое время — новые песни.

Прошло сто лет с того времени, когда творила Мирра Лохвицкая. Конечно, нам, чей вкус, с одной стороны, основательно испорчен десятилетиями назойливой пропаганды, а с другой — изощрен на произведениях великих поэтов XX века, приходится делать над собой некоторое усилие, чтобы войти в мир ее поэзии, ее образов и приемов стиха. Но разве устарели Гомер, Шекспир или Пушкин? Разве устарела Библия? Торжественность слога и кажущаяся архаичность языка многих стихотворений Лохвицкой — той же высокой пробы, что присуща поэзии Державина, Баратынского, Максимилиана Волошина или, к примеру, позднего Заболоцкого. Настойчивость вдумчивого читателя будет вознаграждена в полной мере.

Когда я с честью пронесу
Несчастий бремя,
Означится, как свет в лесу,
Иное время.

(Б.Пастернак, «Когда я с честью пронесу...»)

Религиозная, истинно-христианская поэзия Мирры Лохвицкой представляется мне явлением уникальным и высоко-совершенным. И чем же завершить эту первую попытку ее возрождения в наши дни, как не ее стихами:

Что значит рознь *времен* и мест?
Мы все сольемся в бесконечности.
Один, во мраке черной вечности,
Простерт над нами скорбный Крест.

Гив Лахути

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Библия

2. Лохвицкая М.А., Стихотворения. Т.1 (1889-1895), М., 1896.

3. -»- -»- Т.2 (1896-1898), М., 1898.

4. -»- -»- Т.3 (1898-1900), СПб, 1900.

5. -»- -»- Т.4 (1900-1902), СПб, 1903.

6. -»- -»- Т.5 (1902-1904), СПб, 1904.

7. -»- -»- «Перед закатом», стихи. Предисловие К.Р. СПб, 1908.

8. Немирович-Данченко Вас.Ив. «На кладбищах (воспоминания).» Стр. 135-148: «Погасшая звезда (миниатюра)». Ревель, 1921.

9. Голенищев-Кутузов А.А. «М.А.Лохвицкая. Стихотворения. Критический разбор.» СПб, 1900.

10. Якубович П.Ф. (Гриневич П.Ф.) «Очерки русской поэзии (1903 г.)» СПб, 1911. Стр. 352-358.

11. Ясинский И.И. «Роман моей жизни.» М.-Л., 1926, стр.259.

12. Брюсов В. «Далекие и близкие», М., 1912. «Мирра Лохвицкая», некролог.

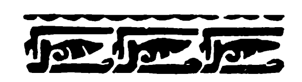
13. Иванов Вяч. «М.А.Лохвицкая-Жибер.» Некролог. Журнал «Вопросы жизни», ред. Н.Лосский. СПб, 1905, № 9, стр. 292-293.

14. Маковский С. «Что такое русское декадентство?» Журнал «Образование», СПб, 1905, № 9.

15. «Словарь членов общества любителей российской словесности», М., 1911.

16. Бунин И.А. Собрание сочинений в 9 томах под ред. А.Т.Твардовского. М., 1967, том 9. Стр. 289.

17. Андреев Д.Л. «Роза мира». М., 1993, стр. 206.

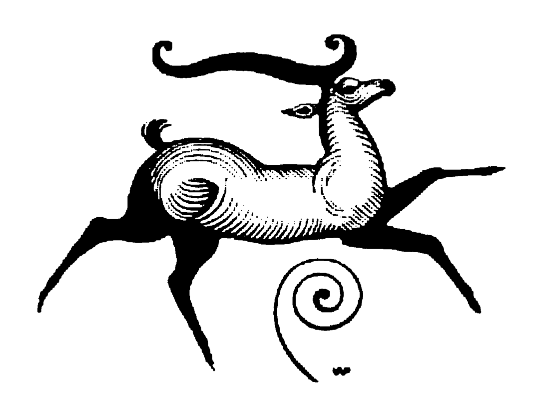
Мирра Лохвицкая

СТИХОТВОРЕНИЯ

От составителя.

Предлагаемый сборник включает 50 избранных стихотворений М.Лохвицкой, расположенных в основном по хронологическому принципу и разбитых на 5 разделов в соответствии с пятью томами ее единственного собрания сочинений.

Г.Л.

1

Душе очарованной снятся лазурные дали,
Нет сил отогнать неотступную грусти истому,
И рвется душа, трепеща от любви и печали,
В далекие страны, незримые оку земному.

Но время настанет, и, сбросив оковы бессилья,
Воспрянет душа, не нашедшая в жизни ответа,
Широко расправит могучие, белые крылья,
И у́зрит чудесное в море блаженства и света!

I

СТИХОТВОРЕНИЯ
1889–1895 гг.

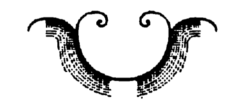

2. ПЕСНЬ ЛЮБВИ

Хотела б я мои мечты,
Желанья тайные и грезы
В живые обратить цветы;
Но... слишком ярки были б розы!

Хотела б лиру я иметь
В груди, чтоб чувства — робки, юны,
Как песни начали звенеть,
Но... порвались бы сердца струны.

Хотела б я в минутном сне
Изведать сладость наслажденья,
Но умереть пришлось бы мне,
Чтоб не дождаться пробужденья...

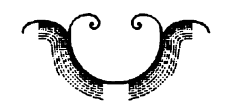
3. КИПРИДЕ

Веет прохладною ночью благовонная,
И над лазурью морской
Ты, златокудрая, ты, златотронная,
Яркою блещешь звездой...

Что же, Киприда, скажи, светлоокая,
Долго ль по воле твоей
Будет терзать эта мука жестокая
Слабые души людей.

Там, на Олимпе, в чертогах сияющих,
В дивном жилище богов,
Слышишь ли ты эти вздохи страдающих,
Эти молитвы без слов?

Внемлешь, как трепетно неугомонное
Бьется в усталой груди?
Ты, златокудрая, ты, златотронная, —
Сердце мое пощади!..

4. ЦАРИЦА СНОВ

Говорят, в царстве гномов есть чудо-дворец,
Весь из золота слит и порфира.
Там рубиновый трон и алмазный венец
Ждут царицу подземного мира...

Есть на дне океана коралловый грот,
Где блестят жемчуга дорогие, —
Там давно ожидают владычицу вод
Шаловливые рыбки морские.

Но в подземные недра меня не манит
Обещанье обманчивой сказки.
Я люблю, когда солнце мне душу живит,
Когда ярко мне косы оно золотит,
Рассыпая горячие ласки...

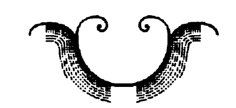
И хрустальная глубь не прельщает мой взор,
Не сулит мне желанной свободы.
Мне милее лазурного неба шатер,
И полей, и лугов необъятный простор, —
Красота вековечной природы.

Нет, царить я б хотела над миром теней,
Миром грез и чудес вдохновенья,
Чтобы сны покорялися воле моей,
Чтоб послушны мне были виденья.

Посылала б я детям счастливые сны,
Чтоб смеялись они, засыпая,
Чтобы видели птицы проказы весны
И забавы веселого мая.

А сама я, надев серебристый покров
Из тумана и лунного света,
Над землею летала б царицею снов,
Чтоб припасть к изголовью поэта.

И, проснувшись, он вспомнит о радужных снах,
Позабудет заботы земные,
И в волшебных и ярких звучных стихах
Перескажет нам грезы ночные.

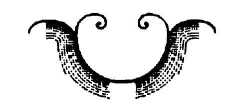

5

Могла ль не верить я, когда с такою страстью
Твой неотступный взор следил за мной везде?
Да, я поверила обманчивому счастью,
Недостижимо блещущей звезде!

Могла ль не верить я, когда мои сомненья
Умел рассеять ты улыбкою одной?
Без жарких слов любви, без клятв и уверенья
Ты овладел отзывчивой душой.

Могла ль не верить я, когда могучей властью
Был побежден мой ум и воля вся моя?
Да, я поверила обманчивому счастью...
Но, милый друг, могла ль не верить я?

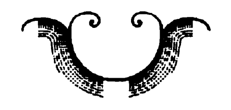
6

Да, это был лишь сон! Минутное виденье
Блеснуло мне, как светлый метеор...
Зачем же столько грез блаженства и мученья
Зажег во мне неотразимый взор?

Как пусто, как мертво! И в будущем все то же...
Часы летят, а жизнь так коротка!
Пусть это был лишь сон, но призрак мне дороже
Любви живой роскошного цветка.

Рассеялся туман, и холод пробужденья
В горячем сердце кровь оледенил.
Ведь это был лишь сон, минутное виденье...
Но отчего ж забыть его нет сил?

27.1.1890

ИЗ ЦИКЛА «VII СОНЕТОВ»

7. СОНЕТ III

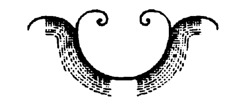
Палящий зной сменил тепло весны
И шлет земле губительные ласки...
О, посмотри, как лилии бледны,
И как фиалок потемнели глазки!

А красный мак... весь рдеет он, взгляни!
Жасмины мне во всем признались сами...
Ты хочешь знать, о чем всю ночь они
Шепталися с далекими звездами?

Но я не выдам бедные цветы,
Я замолчу... А то узнаешь ты,
Что их тоской душа моя больная

Давно томится в сумраке ночном,
Что их недуг мне близок и знаком,
И что таким же солнцем сожжена я!

1890

8. СОНЕТ VI

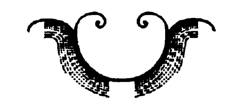
С томленьем и тоской я вечера ждала;
И вот сокрылся диск пурпурного светила,
И вечер наступил, и синей дымкой мгла
И горы, и поля, и лес заворожила.

Желанный час настал... Но светлые мечты
Не озарили счастьем грудь мою больную;
Одна, при виде тайн вечерней красоты,
Еще мучительней томлюсь я и тоскую.

Как хорошо вокруг... Зачем же грустно мне?
Должно быть, счастья нет ни в розах, ни в луне,
Ни в трелях соловья, ни в грезах вдохновенья,

Должно быть, есть другой могучий талисман, —
Не бледная мечта, не призрачный обман,
Но жизни вечный смысл, и цель, и назначенье...

1890

9. СОНЕТ V

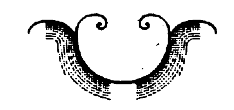
В святилище богов пробравшийся, как тать,
Пытливый юноша осмелился поднять
Таинственный покров карающей богини,
Взглянул — и мертвый пал к подножию святыни.

Счастливым умер он, — он видел вечный свет,
Бессмертного чела небесное сиянье,
Он истину познал в блаженном созерцанье,
И разум, и душа нашли прямой ответ.

Не смерть страшна, о нет, — мучительней сознанье,
Что бродим мы во тьме, что скрыто пониманье
Глубоких тайн, чем мир и чуден и велик,

Что не выносим мы богини чудной вида...
Коль жизнь моя нужна, бери ее, Изида,
Но допусти узреть божественный твой лик!

1890

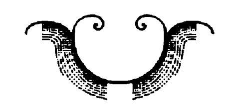
10

Как тепло, как привольно весной!
Наклонилися ивы над зыбкой волной,
Как зеленые кудри русалок,
И разлился по чаще лесной
Упоительный запах фиалок.

Тише, сердце! Умолкни, усни!
Не обманут тебя эти майские дни
Обаяньем весны благодатной;
Как весенние песни, они
Отзвучат и замрут невозвратно.

Вновь нависнет осенний туман,
Перелетных потянется вдаль караван,
Охладеют свинцовые воды...
Для чего ж этот вечный обман,
Эта старая сказка природы?

1890

11

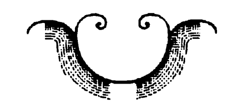
Сирень расцвела. Доживали смелее
Свой радужный век мотыльки.
Одна я бродила по старой аллее
В приливе невольной тоски.

Что в душу закралось? Чей голос так нежно
Навеял былые мечты?
Я счастья искала и с ветки небрежно
В раздумье срывала цветы.

Вставали минувшего милые тени,
Слезою туманился взор,
И сыпались венчики белой сирени,
Как снег, на зеленый ковер.

А все наслаждалось, все жизнью дышало
В весенний ликующий день,
И, тихо качаясь, кругом разливала
Свой сладостный запах сирень...

1890

12. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Вечер настал, притаились ручьи,
Гаснет сиянье зарниц.
Нежно упала на щечки твои
Тень шелковистых ресниц.

В дальнем лесу на прощанье свирель
Трель отзвучала свою...
Тихо качая свою колыбель,
Песню тебе я пою.

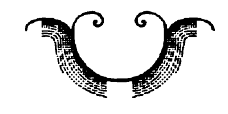
Долго любуясь тобой перед сном,
Я созерцаю, любя,
Небо во взоре невинном твоем,
Рай мой в глазах у тебя.

Долго смотрю я на ангельский лик.
«Милый, — твержу я, грустя, —
Ты еще крошка, а свет так велик...
Будешь ли счастлив, дитя?»

Видит лишь месяц средь темных ночей,
Что́ я на сердце таю.
Шлет он мне сноп серебристых лучей,
Слушает песню мою...

Спи! Не одна я счастливой судьбой
Бодрствую в мраке ночном:
Ангел-хранитель не спит над тобой
И осеняет крылом.

11.9.1894

13

Из царства пу́рпура и злата
Случайным гостем залетев,
Блеснул последний луч заката
Среди серебряных дерев.

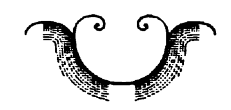
И вот под лаской запоздалой,
Как мановеньем волшебства,
Затрепетала искрой алой
Оледенелая листва.

И встрепенулся лес суровый,
Стряхнул с ветвей могильный сон,
И ожил он в надежде новой,
Багряным светом озарен.

Аккордов звуков серебристых
Несется фей лукавых зов...
Клубится рой видений чистых
Вокруг сверкающих стволов...

Но гаснет луч в борьбе бесплодной.
Еще мгновенье, и сменя́т
Метель и мрак зимы холодной
Природы призрачной наряд.

30.11.1892

14. QUASI UNA FANTASIA

Однообразны и пусты,
Года томительные шли.
Напрасно тайные мечты
В туманной реяли дали́.
Не много счастья — больше зла
И мук мне молодость дала:
И жизни гнет, и смерти страх,
И наслажденье лишь в мечтах.

Чудес ждала я. Как в чаду,
Я мнила в гордости слепой,
Что жизни путь я не пройду
Бесследно, общею тропой,
Что я — не то, что все. Что Рок
Мне участь высшую предрек
Великих подвигов и дел,
И что бессмертье — мой удел.

Но доказала мне судьба,
Что жизнь — не сказка и не сон,
Что я — страстей своих раба,
Что плотью дух порабощен,
Что грешный мир погряз во зле,
Что нет бессмертья на земле,
Что красота и славы цвет —
Все тлен и суета сует!

Потом заботою иной
Сменились дни моих тревог.
Души я жаждала родной,
И душу ту послал мне Бог.
И вот любовь узнала я,
И смысл, и радость бытия,
И чувство матери — из всех
Высоких высшее утех.

Была ль я счастлива? О да!
Но... вечный страх за жизнь детей,
За прочность счастия — всегда
Отравой жизни был моей.
Но час настал, и пробил он,
И смерть подкралася, как сон,
Коснулась бренного чела
И жизни нить оборвала.

Как будто вдруг на странный бал
Попала я, казалось мне.
Так мрачно там оркестр играл,
Кружились пары, как во сне.
Жар, холод, лабиринт дверей...
Домой, — молила я. — Скорей!
Мы сели в сани: я и Он,
Знакомый с давних мне времен...

Мы едем. Вижу я, вдали
Мелькнул и скрылся мирный дом,
Где тихо дни мои текли
В заботах жалких о земном
О, пусть ничтожна жизнь моя,
Я жить хочу! — взмолилась я, —
Мой спутник, сжалься надо мной,
Еще велик мой путь земной! —

Но он молчит. И снова я:
— Мой друг, прошу я за того,
С кем связана судьба моя.
Я не могу забыть его!
Назад! Останови, молю!
Мне жизни жаль, я жизнь люблю!
— Молчи, — промолвил Он в ответ. —
К прошедшему возврата нет!

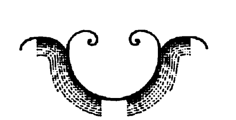
Мы мчимся. Снежной мглой крутя,
Несется вьюга впереди.
Мне вспомнилось мое дитя,
И сердце сжалося в груди.
— Назад! — я вскрикнула. — Домой!
Остался там ребенок мой!
Он будет плакать, звать, кричать...
Пойми, я жить должна, я мать! —

Молю напрасно. Он в ответ
Качает грустно головой.
— Что значит горе детских лет?
Утешится ребенок твой.
— Еще... — я молвила, стеня, —
Еще осталось у меня...
Ты знаешь, что! — но он в ответ
Твердит одно: — Возврата нет!

Возврата нет, пойми! Забудь
Земную скорбь с земной тоской... —
Я поняла. И тотчас в грудь
Влился божественный покой!
Отчизна есть у нас одна.
Я поняла, что *там* она,
Что прав чудесный спутник мой:
Гостила я... Пора домой!

И вот... Какая красота!
Какой могучий, яркий свет!
Родные вижу я места,
Знакомый слышу я привет —
И узнаю... О, сколько их —
Бесплотных, чистых, но живых,
Всех близких мне — забытых мной
В чужом краю — во тьме земной!

22.1.1894

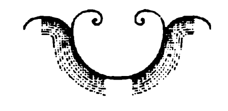
15. СУМЕРКИ

С слияньем дня и мглы ночной
Бывают странные мгновенья,
Когда слетают в мир земной
Из мира тайного виденья.

Скользят в тумане темноты
Обрывки мыслей... Клочья света
И бледных образов черты,
Забытых меж «нигде» и «где-то».

И сердце жалостью полно,
Как будто ждет его утрата
Того, что было так давно,
Что было о́тжито когда-то...

17.2.1894

16. МОЕ НЕБО

Небо и все наслаждения неба я вижу
В личике детском — и глаз оторвать не могу я...
Ангел безгрешный, случайно попавший на землю,
Сколько ты счастья принес! Как ты мне дорог, дитя!

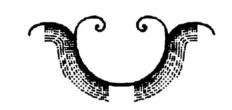
Вьются и золотом кудри твои отливают,
Блещут вкруг милой головки твоей ореолом,
Весь ты — как облачко, светом зари залито́е,
Чистый, как ландыш лесной — майский прелестный цветок!

С кроткою ласкою и́ссиня-темные глазки
В душу мне смотрят и цветом походят на небо,
Вмиг потемневшее перед грозою весенней...
Небо во взоре твоем я созерцаю, дитя!

Где та страна, о которой лепечут вам сказки?
В край тот чудесный тебя на руках бы снесла я,
Молча, босая, по острым каменьям пошла бы,
Лишь бы избавить тебя — терний земного пути!

Боже! Послав мне ребенка, Ты небо открыл мне,
Ум мой очистил от суетных, мелких желаний,
В грудь мне вдохнул непонятные, новые силы...
В сердце горячем зажег пламя бессмертной любви!

30.6.1894

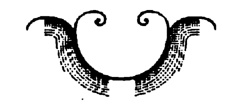
17. УМЕЙ СТРАДАТЬ!

Когда тебя клеймят, как женщину и мать,
За миг, один лишь миг, украденный у счастья —
Безмолвствуя, храни покой бесстрастья.
Умей молчать!

И если радостей короткой будет нить,
И твой кумир тебя осудит скоро
На гнет тоски, и горя, и позора —
Умей любить!

И если на тебе — избрания печать,
Но суждено тебе влачить ярмо рабыни, —
Неси свой крест с величием богини.
Умей страдать!

1895

II

СТИХОТВОРЕНИЯ 1896-1898 гг.

Amori et dolori sacrum*

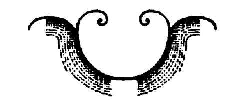

---

* Любви и страданию посвящается (лат.)

18. ТРИОЛЕТ

В моем аккорде три струны,
Но всех больней звучит вторая
Тоской нездешней стороны.
В моем аккорде три струны.
В них — детства розовые сны,
В них вздох потерянного рая.
В моем аккорде три струны,
Но всех больней звучит вторая.

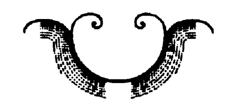

19

Бывают дни, когда в пустые разговоры,
В докучный шум и смех, и громкий стук колес
Врываются таинственные хоры,
Несущие отраду сладких слез.

Пусть правит миром грех. В тщете своих усилий
Замрут и отзвучат надменные слова,
И в смрад земли повеет запах лилий,
Нетленное дыханье Божества.

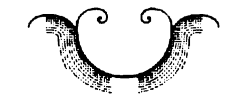
Пусть властвует порок, пусть смерть царит над нами,
Но день придет, когда, оковы сокруша,
Встряхнет нежданно мощными крылами,
Восстав от сна, бессмертная душа.

20

Есть что-то грустное и в розовом рассвете,
И в звуках смеха, тонущих вдали,
И кроется печаль в роскошно-знойном лете,
В уборе царственном земли.

И в рокот соловья вторгаются рыданья,
Как скорбный стон надорванной струны...
Есть что-то грустное и в радости свиданья,
И в лучших снах обманчивой весны.

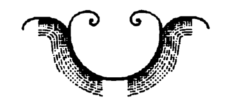
21

Избрав свой путь, я шествую спокойно.
Ты хочешь слез моих?
Мой стих звучит уверенно и стройно.
Ты не увидишь их.

Нет места снам, ни радостной надежде
В больной душе моей.
Не верю я, не верю я, как прежде
В рассвет грядущих дней.

Все та же я; но, избранный отныне,
Тернист мой путь земной.
Тернист мой путь, затерянный в пустыне, —
Ты не пойдешь за мной.

Темно вокруг. Чуть брезжит путь далекий
Блуждающих огней...
И гибну я, и гибну — одинокой,
Но — не рабой твоей.

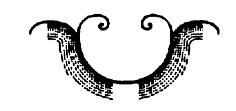

22. ВЕЩИ

Дневной кошмар неистощимой скуки,
Что каждый день снедает жизнь мою,
Что давит ум и утомляет руки,
Что я напрасно жгу и раздаю, —

О вы, картонки, перья, нитки, папки,
Обрезки кружев, ленты, лоскутки,
Крючки, флаконы, пряжки, бусы, тряпки,
Дневной кошмар унынья и тоски!

Откуда вы? К чему вы? Для чего вы?
Придет ли тот неведомый герой,
Кто не посмотрит, стары вы иль новы,
А выбросит весь этот хлам долой!

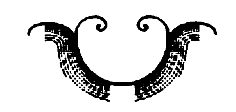
23. ТЫ МНЕ НЕ ВЕРИШЬ

Ты мне не веришь, ты мне не веришь,
Как будто в песнях возможна ложь!
Моих желаний ты не измеришь,
Моих признаний ты не поймешь.

Есть дар великий, есть Дух чудесный,
Поющий сладко в ночной тиши.
Я с ним блаженна и в жизни тесной,
И в гордых муках моей души.

Порой, блистая огнем лазури,
Он веет сказкой былых времен.
Порой промчится на крыльях бури,
Порой пробрезжит, как вещий сон.

Так знойный ветер, колыша травы,
Сжигает в поле златую рожь —
Не для веселья, не для забавы...
Но ты не веришь. Ты не поймешь.

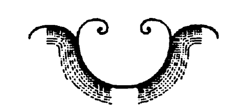
24

В моем незнаньи так много веры
В расцвет весенний грядущих дней;
Мои надежды, мои химеры
Тем ярче светят, чем мрак темней.

В моем молчаньи так много муки,
Страданий гордых, незримых слез,
Ночей бессонных, веков разлуки,
Неразделенных, сожженных грез.

В моем безумьи так много счастья,
Восторгов жадных, могучих сил,
Что сердцу страшен покой бесстрастья,
Как мертвый холод немых могил.

Но щит мне крепкий в моем незнаньи
От страха смерти и бытия.
В моем молчаньи — мое призванье,
Мое безумье — любовь моя.

III

СТИХОТВОРЕНИЯ
1898 — 1900 гг.

25. В НАШИ ДНИ

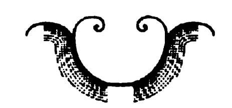
Что за нравы, что за время!
Все лениво тащат бремя,
Не мечтая об ином.
Скучно в их собраньях сонных,
В их забавах обыдённых,
В их весельи напускном.

Мы, застыв в желаньях скромных,
Ищем красок полутемных,
Ненавидя мрак и свет.
Нас не манит призрак счастья,
Торжества и самовластья,
В наших снах видений нет.

Все исчезло без возврата.
Где сиявшие когда-то
В ореоле золотом
Те, кто шли к заветной цели,
Что под пыткой не бледнели,
Не стонали под кнутом?

Где не знавшие печалей,
В диком блеске вакханалий
Прожигавшие года?
Где вы, люди? Мимо, мимо!
Все ушло неотвратимо,
Все угасло без следа.

И на радость лицемерам
Жизнь ползет в тумане сером,
Безответна и глуха.
Вера спит. Молчит наука.
И царит над нами скука,
Мать порока и греха.

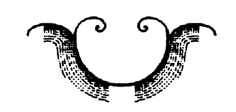
26

Поля, закатом позлащенные,
Уходят в розовую даль.
В мои мечты неизреченные
Вплелась вечерняя печаль.

Я вижу — там, за гранью радостной,
Где краски дня сбегают прочь,
На вечер ясный, вечер благостный
Глядит тоскующая ночь.

Но в жизни тусклой и незначащей
Бывают царственные сны.
Они к страдающей и плачущей
Слетят с воздушной вышины.

Нашепчут райские сказания
Ветвям акаций и берез,
И выпьют в медленном лобзании
Росу невыплаканных слез.

27

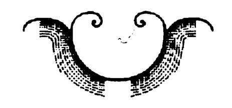
Я люблю тебя, как море любит солнечный восход,
Как нарцисс, к воде склоненный — блеск и холод сонных вод.

Я люблю тебя, как звезды любят месяц золотой,
Как поэт — свое созданье, вознесенное мечтой.

Я люблю тебя, как пламя — однодневки-мотыльки,
От любви изнемогая, изнывая от тоски.

Я люблю тебя, как любит звонкий ветер — камыши.
Я люблю тебя всей волей, всеми струнами души.

Я люблю тебя, как любят неразгаданные сны:
Больше солнца, больше счастья, больше жизни и весны.

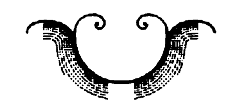

28

В скорби моей никого не виню.
В скорби — стремлюсь к незакатному дню.
К свету нетленному пламенно рвусь.
Мрака земли не боюсь, не боюсь.

Счастья ли миг надо мной промелькнет,
Злого безволья ль почувствую гнет, —
Так же душою горю, как свеча,
Так же молитва моя горяча.

Молча пройду я сквозь холод и тьму,
Радость и боль равнодушно приму.
В смерти иное прозрев бытиё,
Смерти скажу я: «Где жало твоё?»

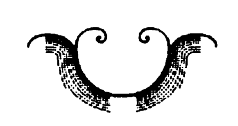

29. ДЕНЬ ДУХА СВЯТАГО

День Духа Святаго блюдите, избранники,
Суровые странники с бледным челом,
Живыми молитвами, всечасными битвами
Боритесь, боритесь с ликующим Злом.

В день Духа Святаго молитесь, избранники,
Усталые странники призрачных стран,
Молите о знаменьи небесного пламени,
Да славою будет ваш путь осиян.

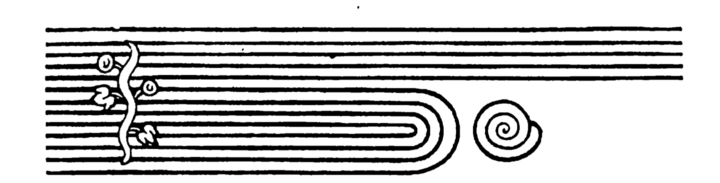
В день Духа Святаго стучитесь, избранники,
Могучие странники давних времен,
Во храмы безлюдные, в сердца непробудные;
Поведайте миру, что враг побежден!

IV

СТИХОТВОРЕНИЯ
1900 — 1902 гг.

Посвящается
Сергею Андреевичу Муромцеву

30. БРАЧНЫЙ ВЕНОК

«Друг! Как ты вошел сюда не в брачной одежде?» (Мат. 22,12.)

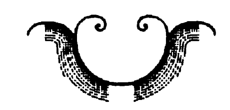
Майским днем под грезой вдохновенья
Расцвели в саду моем цветы:
Алый мак минутного забвенья,
Мирт любви, фиалки отреченья,
Розы снов и лилии мечты.

Не коснулась осень золотая
Их живой и чистой красоты.
Злые вихри, с юга налетая,
Пронеслись в душистый вечер мая —
И завяли лучшие цветы.

Не печаль мои туманит взоры —
Сонмы дев спешат издалека.
Упадут тяжелые затворы,
«Се Жених грядет!» — воскликнут хоры...
Мне ль войти без брачного венка?

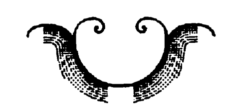
И пошла я странницей смиренной
На призыв немеркнущей звезды.
Мне навстречу — всадник вдохновенный.
Я к нему — с мольбою неизменной:
«Укажи мне вечные сады.»

Он взглянул таинственно и строго:
«Отрекись от тленной красоты.
Высоко ведет твоя дорога,
В светлый край, в сады живого Бога,
Где цветут бессмертные цветы.»

31. АНГЕЛ

Искала я во тьме земной
мою мечту.
Но ты сказал: «Иди за мной
на высоту!»
Твой властный зов мне прозвучал
моей судьбой.
И я пошла к уступам скал —
и за тобой.
Иду. Земля еще близка,
но ты — со мной.
Внизу клубятся облака
над тьмой земной.
Внизу едва синеет лес,
сквозит туман.
Все ближе веянье чудес
небесных стран.
Все шире купол голубой.
Ты — не один.
Иду с тобой и за тобой
к венцу вершин!
Легки пути твои, легки
к рожденью дня.
Не оставляй моей руки,
веди меня.
Иные лавры здесь цветут,
они — не те.
Как хорошо! Как тихо тут —
на высоте!

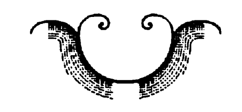
32. Я ВЕРЮ

Я верю, я верю в загробные тайны,
В блаженство и вечность нездешней страны.
Я верю, что наши пути не случайны,
Я верю в мои вдохновенные сны.

Я верю в бессмертье, в пределы страданья,
В грядущее царство святой красоты,
В победу желанья, в венец ожиданья,
И в жизнь, и в мои золотые мечты.

Я верю, что мы воскресаем веками,
Чтоб снова и снова любить и страдать;
Что Разум предвечный не дремлет над нами.
Я верю в судеб роковую печать.

За мной, утомленные гнетом сомнений!
Вы, пьющие жадно от мутной волны.
Мне шепчут виденья моих откровений,
Мне светят мои вдохновенные сны!

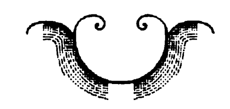

33. МОЛИТВА О ГИБНУЩИХ

О Боже праведный! Внемли моления
За души гибнущих без искупления,
За всех тоскующих, за всех страдающих,
К Тебе стремящихся, Тебя не знающих!

Не вам, смиренные, чья жизнь — молчание,
Молю покорности и упования:
Вам, духом кроткие, вам, сердцем чистые,
Легки и радостны тропы тернистые.

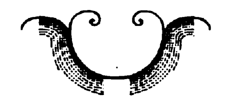
Но вам, мятежные, глубоко павшие,
Восторг с безумием и злом смешавшие,
За муки избранных, за боль мгновения
Молю познания и откровения!

34. МОЯ ПЕЧАЛЬ

Моя печаль всегда со мной.
И если б птицей я была,
И если б вольных два крыла
Меня умчали в край иной:
В страну снегов, где тишь и мгла,
Иль в царство роз, в полдневный зной —
Она всегда со мной.

Моя печаль со мной всегда.
И в те часы, когда рабой
Склоняюсь я перед судьбой,
И в те, когда чиста, горда,
Мне светит в выси голубой
Моя бессмертная звезда —
Печаль со мной всегда.

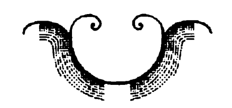
35

О мы́, несчастные,
Мы, осужденные,
Добру причастные,
Злом побежденные,
В мечтах — великие,
В деяньях — ложные,
В порывах — дикие,
В слезах — ничтожные!

Судьбой избра́нные,
Чуждаясь счастия,
Мы бродим, странные,
Среди ненастия.
В звезду влюбленные,
Звездой хранимые,
Неутоленные,
Неутолимые.

О мы, несчастные,
Мы, осужденные,
Добру причастные,
Во зле рожденные,
Плода познания
В грехе вкусившие,
Во тьме изгнания
Свой рай забывшие!

1900

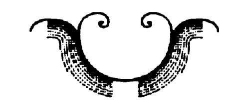

36

Есть райские видения
И гаснущая даль.
Земные наслаждения,
Небесная печаль.

Есть благовест обителей
И правды торжество.
Есть слезы небожителей,
Отвергших Божество.

Есть холод безучастия
И волн кипучий бег...
Но только призрак счастия
Недостижим вовек.

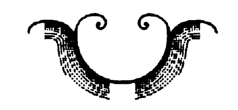
37

В долине лилии цветут безгрешной красотой.
Блестит червонною пыльцой их пестик золотой.
Чуть гнется стройный стебелек под тяжестью пчелы.
Благоухают лепестки, прекрасны и светлы.

В долине лилии цветут... Идет на брата брат.
Щитами бьются о щиты, и копья их стучат.
В добычу воронам степным достанутся тела,
В крови окрепнут семена отчаянья и зла.

В долине лилии цветут; клубится черный дым,
На небе зарево горит зловещее над ним.
Огонь селения сожжет, и будет царство сна.
Свой храм в молчаньи мертвых нив воздвигнет тишина.

В долине лилии цветут. Какая благодать!
Не видно зарева вдали, и стонов не слыхать.
Вокруг низринутых колонн завился виноград,
И новым праотцам открыт Эдема вечный сад.

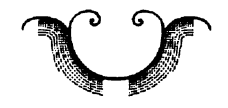

38

Море и небо, небо и море
Обняли душу лазурной тоской.
Сколько свободы в вольном просторе,
Сколько простора в свободе морской!

Дальше темницы, дальше оковы,
Скучные цепи неволи земной.
Вечно-прекрасны, чудны и новы,
Вольные ветры плывут надо мной.

С тихой отрадой в радостном взоре
Молча смотрю я в лиловую даль.
Море и небо! Небо и море!
... Счастье — далёко. Но счастья не жаль.

39

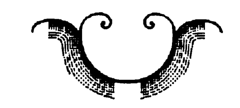
Шмели в черемухе гудят
О том, что зноен день,
И льет миндальный аромат
Нагретая сирень.

И ждет грозы жужжащий рой,
Прохлады ждут цветы.
Темно в саду перед грозой.
Темны мои мечты.

В полях горячий зной разлит,
Но в чаще тишина.
Там хорошо, там полдень спит
И дышит жаром сна.

Шмели в черемухе гудят:
«Мы сон его храним.
Придет гроза, воскреснет сад,
И сны замрут, как дым.

Полдневных чар пройдет угар,
И будет грусть по ним.
На страже полдня мы гудим.
Мы сон его храним.»

40. БЯШКИН СОН

Моему сыну Измаилу

Кудри темные рассыпав
На подушке белоснежной,
Кротким сном забылся Бяшка.
Спит мой крошка, спит мой нежный.

Сны над мальчиком летают,
Луг зеленый снится Бяшке.
На лугу пасется стадо:
Всё овечки да барашки.

Вслед за ними с палкой длинной
Бродит малый человечек,
Палкой длинной погоняет
И барашков, и овечек.

Так и хлещет, так и машет,
Сам точь-в-точь похож на Бяшку.
По траве бежит ребенок,
Топчет белую ромашку.

Вдруг, откуда ни возьмися,
Злой Букан — глаза, что свечки!
Трах! В мешок к нему попались
И барашки, и овечки.

Но Букану, видно, мало:
Обернувшись тараканом,
Он ползет — и прямо к Бяшке!
Струсил Бяшка пред Буканом.

Вздрогнул, вскрикнул — и проснулся.
Тихо в комнате у Бяшки.
В мамин шкап ушли буканы,
И овечки, и барашки.

1902

41. СКАЗКИ И ЖИЗНЬ

I. САНДРИЛЬОНА

Реют голуби лесные, тихо крыльями звеня.
Гулко по́-лесу несется топот белого коня.
Вьется грива, хвост клубится, блещет золото удил.
Поперек седла девицу королевич посадил:
Ту, что мачеха-злодейка Сандрильоной прозвала,
Ту, что в рубище ходила без призора и угла,
Ту, что в танцах потеряла свой хрустальный башмачок...
Мчатся принц и Сандрильона. Разгорается восток.
Реют голуби лесные. Нежным звоном полон лес.
Это — сказка, только сказка. В нашем мире нет чудес.

II. СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

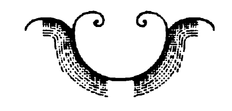
Ярко, пышно сыплют розы разноцветный свой наряд.
Тихо дрогнули ресницы. Очи сонные глядят.
Смотрит спящая принцесса: принц склоняется над ней.
Позади пажи толпятся. Слышно ржание коней.
Роза спящая, проснитесь! — шепчет милый горячо,
И красавица головку клонит принцу на плечо.
Оживает замок старый, всюду смех и суета:
От запрета злой колдуньи пробудилась красота.
Ярко, пышно сыплют розы разноцветный свой покров...
Это — сказка, только сказка. Непробуден сон веков.

III. БЕЛОСНЕЖКА

Ропщут флейты и гитары, бубен весело гремит.
Принц танцует с Белоснежкой, пышет жар ее ланит.
Косы черные, как змеи, разметались по плечам.
Бродит ясная улыбка по малиновым устам.
Семь кобо́льдов в серых куртках бойко пляшут тут как тут,
Плавно бороды седые плиты мрамора метут.
Сам король уснул над кубком. Одолел дружину хмель.
Златокудрые служанки стелят брачную постель.
Ропщут флейты. Молодая блещет свадебным венцом.
Это — сказка, только сказка, с вечно-радостным концом.

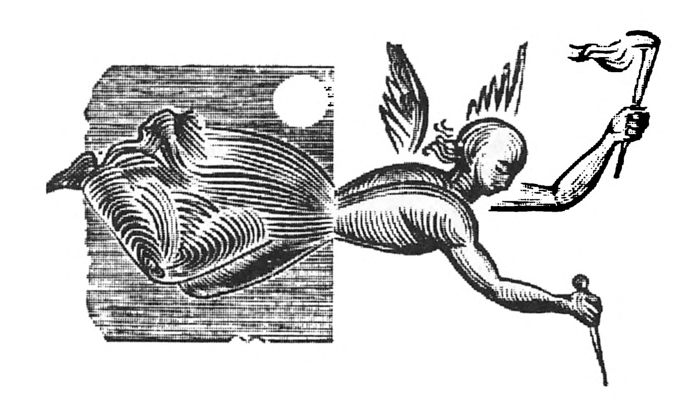
ЖИЗНЬ

Плачет в кухне Сандрильона. Доброй феи нет следа.
Спит принцесса в старом замке, позабыта навсегда.
Служит гномам Белоснежка. Злая мачеха жива.
Вот вам жизнь и вот вам правда, а не вздорные слова.

V

СТИХОТВОРЕНИЯ 1902 — 1905 гг.

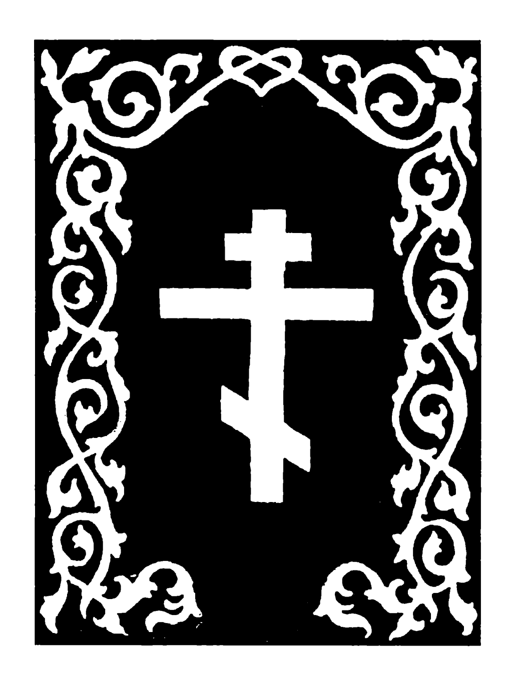

42. КРЕСТ

Люблю я солнца красоту
И музы эллинской создания,
Но поклоняюсь я Кресту,
Кресту — как символу страдания.

Что значит рознь времен и мест?
Мы все сольемся в бесконечности.
Один, во мраке черной вечности,
Простерт над нами скорбный Крест.

1903

43. СВЯТОЕ ПЛАМЯ

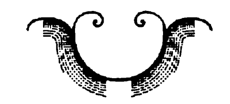
Напрасно в безумной гордыне
Мою обвиняют мечту
За то, что всегда и поныне
Я Духа великого чту.

Горда осененьем лазурным
Его голубого крыла,
Порывам ничтожным и бурным
Я сердце свое заперла.

Но храма высот не разрушу!
Да светочи к Свету ведут.
Несу я бессмертную душу,
Ее же представлю на суд.

Мой разум стремится к вершине
И к зову вседневного глух.
Со мною всегда и поныне
Великий и благостный Дух.

Поправших его наказуя,
Он жив и могуч для меня.
Бессмертную душу несу я,
Как пламя святого огня!

44. КРЫЛЬЯ

«Revertirum in terram suam unde erat; et spiritus redit ad Deum, qui dedit illum.»

«Земля еси — и в землю отыдеши.»*

Знала я, что мир жесток и тесен,
Знала я, что жизнь скучна и зла,
И, сплетя венки из майских песен,
Выше туч свой замок вознесла.

Здесь дышу без горечи и гнева,
Оградясь от зависти и лжи.
Я одна, зато я — королева,
И мечты мне служат, как пажи.

Сонмы снов моей покорны власти.
Лишь один, непокоренный мной,
О каком-то необъятном счастьи
Мне лепечет каждою весной.

В этом сне — о радость, о забвенье! —
Юный смех невозвратимых лет...
Тайных струн сверкающее пенье...
Взмахи крыльев... царственный рассвет!

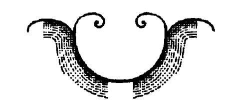
О мой сон, мой лучший, мой единый,
С темной жизнью сжиться научи!
Чтоб не слышать шорох лебединый,
Чтоб забыть могучие лучи!

---

* Быт. 3,17.

Все, что бренно — гаснет быстротечно.
Догорит земное бытиё...
Лишь в тебя я верю вечно, вечно,
Как душа в бессмертие свое!

Но в ответ я тихий шепот внемлю —
Шепот листьев, падающих ниц:
«Ты — земля... и возвратишься в землю.»
О заря! О крылья белых птиц!

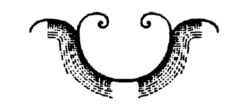

45. КРАСНЫЙ ЦВЕТ

Мне ненавистен красный цвет
За то, что проклят он.
В нем преступленья долгих лет,
В нем казнь былых времен.

В нем блеск дымящихся гвоздей
И палачей наряд.
В нем пытка — вымысел людей,
Пред коим бледен ад.

В нем звуки труб, венцы побед,
Мечи из рода в род, —
И кровь, текущая вослед,
Что к Богу вопиёт!

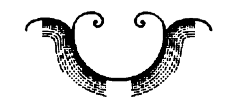

46. КРАСНАЯ ЛИЛИЯ *

Под тенью, меж колоннами, ведущими во храм,
Уснула Дева чистая, сжигая фимиам.
Мечты ее безгрешные небесный сон повил:
Пред нею вестник радости — Архангел Гавриил.

От риз его сияние, какого в мире нет.
Он держит красной лилии благоуханный цвет.
Он к спящей наклоняется на сон ее взглянуть
И шепчет: «Благодатная, благословенна будь!»

И сонмы светлых ангелов, и тьмы бесплотных сил,
Склоняясь над Пречистою, парят в дыму кадил.
И каждый символ-лилию роняет ей на грудь,
И каждый вторит радостно: «Благословенна будь!»

* Взаимоисключающие, казалось бы, толкования символики красного цвета в двух последних стихотворениях представляют собой одну из тех антиномий, которые играют столь важную роль в православном учении. (Г.Л.)

47. ЦВЕТОК НА МОГИЛУ

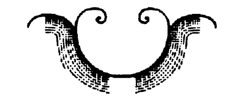
Памяти дорогой сестры Ольги Р.

Ты была безропотно покорна,
Ты умела верить и любить.
Дни твои — жемчужин белых зерна,
Низанных на золотую нить.

Ты была нетронутой и ясной,
Как душа хрустальная твоя.
Вечный мир душе твоей прекрасной
Отстрадавшей муки бытия.

В светлый рай, в блаженное веселье
Пред тобой откроются врата, —
Да войдешь в бесценном ожерелье,
Как свеча пасхальная чиста.

1905

48. НЕБЕСНЫЕ ОГНИ

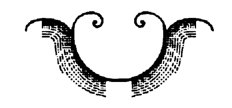
В высоком небе горят огни.
О счастьи вечном поют они.

Зовет немолчно их стройный клир
К чертогу света на брачный пир,

Где песней звездной гремит напев,
Где слышны гимны блаженных дев.

И хор небесный во мне зажег
Святую веру в святой чертог.

1905

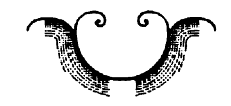

49

Нет без Тебя мне в жизни счастья:
Ни в бледных снах любви иной,
Ни в упоеньи самовластья,
Ни в чем — когда Ты не со мной.

Устало дремлет вдохновенье,
Тяжел и скучен путь земной...
Где отдых мой, мое забвенье,
Где жизнь — когда Ты не со мной?!

1905

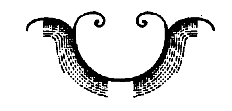

50. УХОДЯЩАЯ

С ее опущенными веждами
И целомудренным лицом
Она идет, блестя одеждами,
Сияя радужным венцом.

И мысли ей вослед уносятся.
С воскресшим трепетом в груди
Мольбы, молитвы, гимны просятся:
«Взгляни, помедли, подожди!»

1905

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

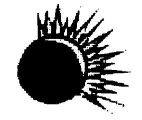
В конце 1994 года московское издательство «Гуманитарный фонд» выпустило сборник «Тайных струн сверкающее пенье» — первое издание настоящей книги. Сборник был замечен, удостоен одобрительной заметки в газете «Известия», включен «Книжным обозрением» в список «Интеллектуальные бестселлеры Москвы». Книжный клуб «Скарабей» устроил презентацию сборника, а «Радио-1» сделало две литературно-музыкальные композиции о жизни и творчестве Мирры Лохвицкой по материалам этой книги. Небольшой тираж сборника быстро разошелся.

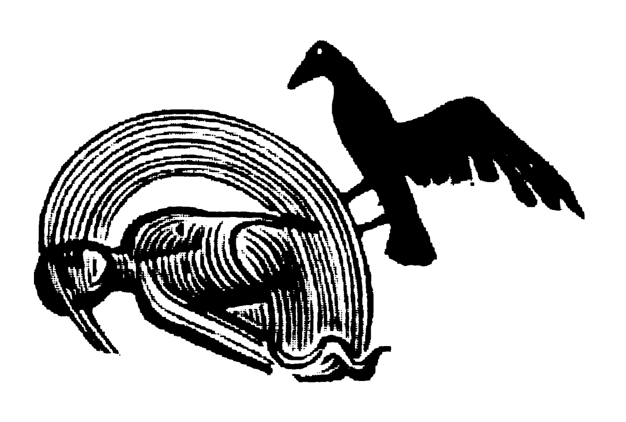
Сборник открывается статьей, которую я озаглавил «Время и поэзия Мирры Лохвицкой» и в которой попытался дать объяснение посмертной судьбе ее наследия. Отдав в первой половине своего творчества неизбежную дань поэтике символизма, в дальнейшем М.Лохвицкая проделала большую эволюцию как поэт и в последние годы своей короткой жизни создала шедевры, которые по праву можно отнести к вершинам русской религиозной поэзии. Но в это время — поэтесса скончалась в 1905 году — русскую общественную мысль и поэзию как наиболее чуткое ее отражение занимали уже совсем другие вопросы и интересы.

Это расхождение временного и вечного, которое и обусловило судьбу наследия поэтессы, в дальнейшем только продолжалось и усиливалось в истории русской поэзии, достигнув наибольшей остроты во время революции, гражданской войны и в двадцатые годы. Я уже не мог оторваться от этой темы и в результате написал новеллу, в которой автобиографические мотивы сочетаются с фантастическими. Все стихотворные цитаты в ней — подлинные.

В декабре 1996 г. на своем творческом вечере в Культурном центре — Музее Марины Цветаевой в Москве я прочел эту новеллу, тепло принятую аудиторией.

Г.Л.

Гив Лахути

Ночной диспут в мастерской Волошина, или трагедия русской поэзии
Новелла

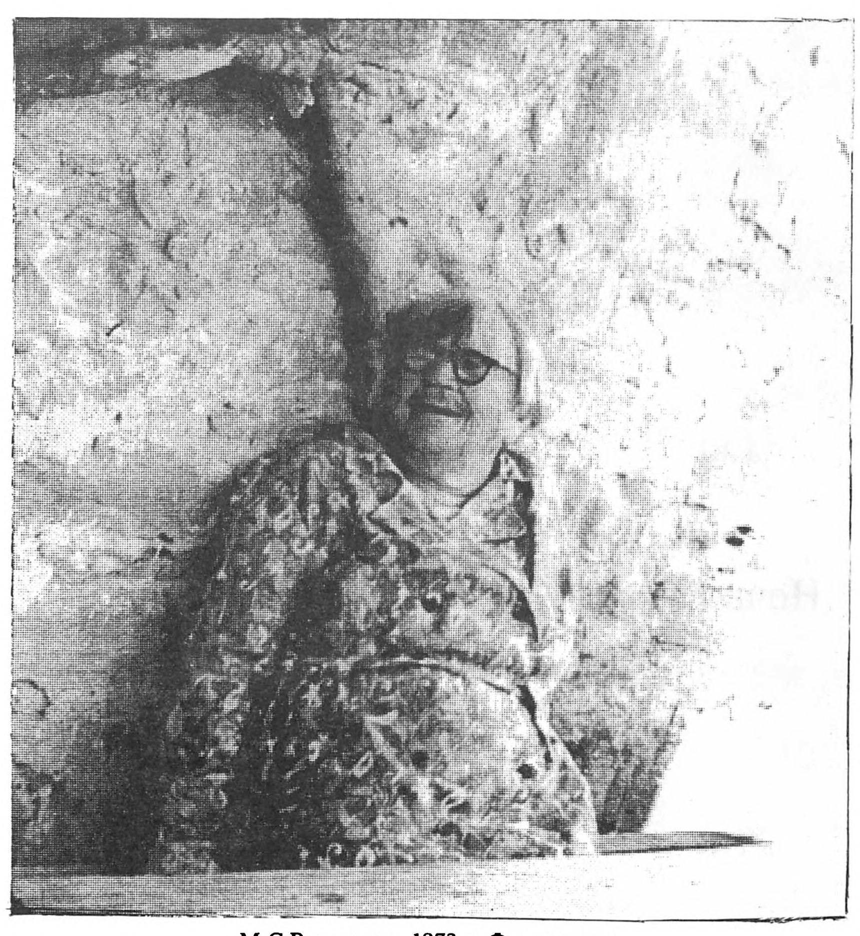
> Среди верховных ритмов мирозданья
> Зиждитель-Бог обмолвился Землей.
> (Но Дьявол поперхнулся Человеком.)
>
> *(Максимилиан Волошин.)*

Было это в Крыму, в Коктебеле, в разгар лета далекого уже теперь, как это для меня ни странно, тысяча девятьсот семьдесят второго года. Мы сидим в доме поэта Максимилиана Волошина, в просторной так называемой мастерской, где всегда прохлада, с его вдовой и хранительницей дома Марией Степановной. Ей за восемьдесят.

— Вы растрогали меня, — говорит она. — Просидеть тут, в мастерской, целый месяц, когда все на пляже!

— Мария Степановна! Какой пляж, когда тут такие сокровища!

И действительно — на большом дощатом столе, сколоченном, по преданию, самим Максом, лежит махровый «самиздат» —

М.С.Волошина. 1973 г. Фото автора.

девять переплетенных томов подготовленного к печати и зарубленного цензурой машинописного полного собрания стихов и прозы Волошина, которого не издавали у нас с начала двадцатых годов, с большим предисловием, а скорее монографией, профессора Виктора Андрониковича Мануйлова, видного лермонтоведа, лично хорошо знавшего хозяина, учеником которого он себя считает. Очаровательный старик каждый год отдыхает тут же.

Это похоже на чудо. Если понравишься хозяйке, можно целый день сидеть тут и читать такие, например, предсмертные строки Волошина:

Революция губит лучших,
Самых чистых и самых святых,
Чтоб, зажав в тенётах паучьих,
Надругаться, высосать их.

Больше такого в те годы увидеть нигде было немыслимо.

— В войну здесь стоял маленький гарнизон немцев. Они мало тревожили меня, — говорит хозяйка. — На оперативной карте у них на нашем доме было написано «музей». Однажды пришел немец-повар, увидел большой стол и хотел было унести его — разделывать кур, говорит, удобно. Я тогда была такая злая, и мне все уже было безразлично. Я бросилась, отшвырнула его и закричала: — Сперва убей меня, потом бери стол! — Немец сказал: «Феррюкте фрау!» (Чокнутая баба!), — покрутил пальцем у виска, махнул рукой и ушел. Так уцелел стол Волошина.

Бог хранил меня. Перед приходом немцев прибежал чекист, требовал уйти с ним, грозил револьвером... Ему я тоже сказала, что он может убить меня, но из этого дома я никуда не уйду. Ему надо было спешно уходить — немцы наступали. Почему он не убил меня тогда — ума не приложу. Пронесло. Потом я два дня, в спешке, с подругой — моей компаньонкой и единственной помощницей — копала яму и складывала на дно завернутую в клеенку гипсовую богиню Таиах — Максину музу и некоторые другие реликвии, потом закапывала... И все сохранилось. Только угол у Таиах чуть поврежден, видите?

Вы завтра уезжаете. Что еще вам рассказать?

— Ну... расскажите про Андрея Белого, — прошу я. Лицо старухи светлеет, голос становится ласковым.

— Боренька! Такой чудный! Ну вот: зима, голодно, холодно, он сидит вот тут на полу у очага, скрючился, на нем какая-то женская кофта. Сидит, молчит, и вдруг, визгливо: — Макс!!! Я не могу больше терпеть этих людей!

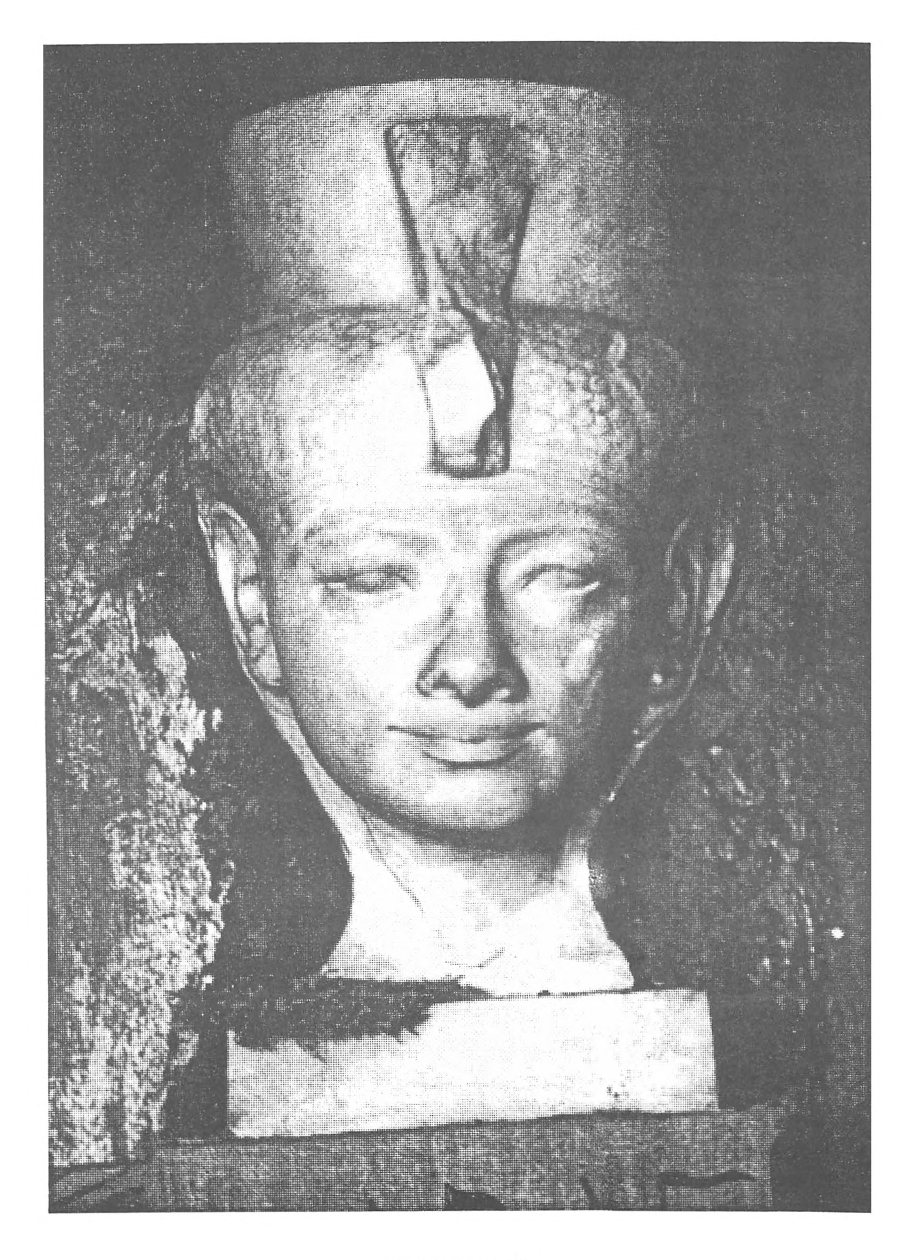
А Макс, ласково-увещевающе: — Ну, Боренька! Мы *должны** терпеть этих людей!

Мой кров убог, и времена суровы,
Но полки книг возносятся стеной.
Здесь по ночам беседуют со мной
Историки, поэты, богословы... —

писал Макс в 1926 году в своем стихотворном шедевре «Дом

---

* Здесь и далее курсив мой. (Прим.авт.)

ТАИАХ

Фото автора

поэта». Он был философ, мистик, теософ и пророк. В 1915 году он мог, например, написать такое:

И, погасив огонь текучий
Горящих *свастик* и *ракет*,
Затеплит в тишине поэт
Лампады внутренних созвучий.

Или, уже в 1922-м:

Но черный порох в мире был предтечей
Иных, еще властительнейших сил.
Он распахнул им дверь, и вот мы на пороге
Клубящейся неимоверной ночи
И видим облики чудовищных теней
Ни названных, ни мыслимых, которым
Поручено грядущее Земли.

Однако иногда и Макс, несмотря на всю свою премудрость, не выдерживал. Одна из местных окололитературных дам, вдова видного крымского партийного деятеля, рассказывала мне:

«В начале двадцатых годов мы решили в Феодосии выпускать детский литературный журнал. Самый знаменитый писатель в Крыму был Волошин, и меня делегировали к нему.

— Максимилиан Сан-ч! Мы хотим издавать детский журнал. Напишите нам для первого номера какой-нибудь *стишок*!

Мне было пятнадцать лет, но формы у меня уже тогда были ого-го (она произвела выразительные волнообразные движения руками). Он внимательно посмотрел на меня и сказал задумчиво:

— Детский... журнал? Стишок? Ну что ж, извольте:

Ау́то-эротики,
Психоневрастеники!
Раскрывайте ротики,
Кушайте вареники!

Он не постеснялся оскорбить цинизмом чистую душу невинного ребенка! Никогда ему этого не прощу!» — казалось, она все еще дрожит от неостывшего за полвека праведного гнева.

Насидевшись в мастерской Макса, видно, и я пропитался его магией, и меня стали посещать видения. Вот и сейчас — я и не заметил, как стемнело, когда вдруг услышал стихи. Это был, конечно, голос хозяина:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях.

Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И Родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

Ему вторит женщина. Откуда-то я уже знаю, что это — Зинаида Гиппиус:

Блевотина войны — октябрьское веселье.
От этого зловонного вина
Как омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом!

Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты,
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь.

И вновь Макс:

Они пройдут — расплавленные годы
Народных бурь и мятежей.
Вчерашний раб, усталый от свободы,
Возропщет, требуя цепей,

Построит вновь казармы и остроги,
Воздвигнет сломанный престол, —
А сам уйдет молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол.

И, отрезвясь, от крови и угара,
Царёву радуясь бичу,
От угольев погасшего пожара
Затеплит ярую свечу.

На мгновение все стихает. И тут я вижу в полумраке, что в мастерской много людей. Все они жаждут высказаться. Высвечи-

вается то одно лицо, то другое. Почему-то я знаю, как их всех зовут. Начинает человек с прекрасным и печальным лицом. Кажется, это говорит не он, но через него — какие-то неудержимые голоса. Это, конечно, Блок:

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...
Товарищ! Гляди
В оба!..
Свобода, свобода!
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!
Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!
Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Уж я ножичком
Полосну, полосну!

Неожиданно слышится голос священника — это отец Павел Флоренский, который комментирует: «Здесь у Блока прямо и не обинуясь говорят черти.» Эти слова вызывают страшное возбуждение в толпе, теснящейся поодаль. Они начинают лихорадочно выкрикивать один за другим, каждый свое. Вот Велимир Хлебников. Он в рубище, глаза горят, говорит точно бредит:

В ус не дуем ничего:
Кулачищи наши — во!
Давайте небу оплеухи.
Знайте: *самый страшный грех —*
Пощада!
На вилы, железные вилы, подымем
Святое для всех Господа имя!
Будет на чуде ржа,
И будет народ палачом без удержа!

Василий Дмитриевич Александро́вский, весьма популярный в двадцатые годы:

Бешено, неуклонно бешено
Колоколом сердце кричит:
Старая Русь повешена,
И мы — ее палачи!

В его голосе не слышится никакого раскаяния, напротив: гордость! Вот оно: *бешено*! — догадываюсь я. Непременно, непременно — бешено! И мне вспоминается другая история, тоже семидесятых годов. Известного московского священника Димитрия Дудко, моего первого духовного отца, которого в те годы именно бешено преследовало КГБ, после очередного обыска с конфискацией пишущей машинки и рукописей везут на машине на Лубянку. Когда проезжают площадь Маяковского, образованный чекист говорит, указывая на памятник:

— Видите? Это Маяковский. Вы вот на нас обижаетесь, а он говорил: «Моя милиция меня бережет».

— Да, да... — мгновенно парирует о.Димитрий. — Он еще говорил: «Товарищ Ленин, работа *адовая* будет сделана и делается уже!»

Но в хор уже вступил новый голос, который сразу приковывает к себе внимание какой-то пронзительной искренностью и трагическим надрывом. Сергей Есенин!

Дружище! С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз — и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы,
И Ленин — старшой комиссар.
Дружище! Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе!
... Что-то всеми навек утрачено...
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чадит мертвя́чиной
Над пропащею этой гульбой.
Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом
Мне про Волгу поет и про Чека.

Мы все по-разному судьбой своей оплаканы.
Кто крепость знал, кому Сибирь знакома.
Знать, потому теперь попы и дьяконы
О здравье молятся всех членов Совнаркома.
Да! Время! Ты не коммунист?
Нет! — А сестры стали комсомолки.
Такая гадость! Просто удавись!
Вчера иконы выбросили с полки,
На церкви комиссар снял крест.
Теперь и Богу негде помолиться.
Уж я хожу украдкой нынче в лес,
Молюсь осинам... Может, пригодится...
Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?

Грустный голос поэта перекрывается мощным басом, обладателя которого и называть не надо. Говорит он долго, словно выступая на митинге и постепенно распаляясь:

Знаю — запахнет шерстью паленой
И серой издымится мясо Дьявола.
Горы злобы аж ноги гнут,
Даже шея вспухает зобом.
Лезет в рот, и в глаза, и внутрь,
Оседая, влезает злоба.
Религия — опиум, религия — враг,
Довольно поповских притч,
Так жить велел Ильич.
Приехал, покорный партийной воле,
В немецком вагоне, немецкая пломба.
Товарищ Ленин, я вам докладываю
Не по службе, а по душе.
Товарищ Ленин, работа *адовая*
Будет сделана, и делается уже.
Это — церковь, Божий храм.
Сюда старухи приходят по утрам.
Сделали картинку, назвали — «Бог»,
И ждут, чтобы этот Бог помог.
Глупые, тоже:
Картинка им никак не поможет.
Это — дом комсомольцев.
Они — умные: никогда не молятся!

Есть твердолобые вокруг и внутри —
Зорче и в оба, чекист, смотри!
Не все враги уничтожены. Есть!
Радуйте опять потухшую месть.
Разве в этакое время слово «демократ»
Набредет какой головке дурьей?
Если бить, так чтоб под ним панель была мокра:
Ключ побед — в железной диктатуре.
Пули, погуще! По оробелым!
В гущу бегущим грянь, парабеллум!
Самое это! С донышка душ!
Жаром, жженьем, железом, светом
Жарь, жги, режь, рушь!
Вверх — флаг! Рвань-встань!
Враг — ляг! День-дрянь!
Сгинь, стар. В пух, в прах.
Бей бар! Трах! Тах!
Жир ёжь страх плах!
Трах! Тах! Тах! Тах!
Ножичком на месте чик
Лютого помещика.
И меркнет до́верье к при́родным дарам
С унылым пу́дом сенца́,
И поворачиваются к тракторам
Крестьян заскорузлые сердца.
За городом — поле, в полях — деревеньки,
В деревнях — крестьяне, бороды — веники.
Что ни хутор — от ранних утр работа люба,
Сеют, пекут мне хлеба.
Не тешься, товарищ, мирными днями,
Сдавай добродушие в брак.
Товарищи, помните, между нами
Орудует классовый враг.
Ходят, гордо выпятив груди,
В ручках все и в значках нагрудных...
Мы их всех, конечно, скрутим,
Но *всех скрутить* ужасно трудно.
Лапа класса лежит на хищнике —
Лубянская лапа Че-ка.
Замрите, враги! Отойдите, лишненькие!
Обыватели! Смирно! У очага!

Чем громче голос, тем темнее и холоднее становится вокруг. Все ёжатся от холода. Я сразу представляю себе скрючившегося

«у очага» Андрея Белого: так вот какого обывателя имеет в виду трибун!

Но вот вступает новый оратор. Он одутловат и астматичен, но вещи говорит еще более ужасные, так что временами начинают раздаваться тихие возражающие голоса как бы с другой стороны, и вот что из этой переклички получается:

Эдуард Багрицкий:

О мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка.
Он вздыбился из гущины кровей —
Матёрый желудочный быт земли.
Трави его трактором. Песней бей.
Лопатой взнуздай, киркой проколи!
А век поджидает на мостовой,
Сосредоточен, как часовой.
Иди — и не бойся с ним рядом встать.
Твое одиночество веку подстать.
Оглянешься — а вокруг враги,
Руки протянешь — и нет друзей;
Но если он скажет: «Солги» — солги.
Но если он скажет: «Убей» — убей.

Мандельштам:

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей.

Багрицкий — своё:

Так бей же по жилам, кидайся в края,
Бездомная молодость, ярость моя!
Чтоб звездами сыпалась кровь человечья,
Чтоб выстрелом рваться вселенной навстречу,
Чтоб волн запевал оголтелый народ,
Чтоб злобная песня коверкала рот!
Возникай содружество
Ворона с бойцом,
Укрепляйся мужество
Сталью и свинцом,
Чтоб земля суровая
Кровью истекла,

Чтобы юность новая
Из костей взошла.
«Я всегда готова!» —
Слышится окрест.
На плетеный коврик
Упадает крест.

Блок (с отчаянием):

Эх, эх, без креста!..

Багрицкий:

Вот и всё! Но песня
Не согласна ждать.
Возникает песня
В *болтовне* ребят.

Мандельштам (не выдерживает):

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей!

Багрицкий (не сдается):

И выходит песня
С топотом шагов
В мир, открытый настежь
Бешенству ветров.
Кричит четвертый ветер:
В моем краю пустынном
Одни лишь пули свищут
Над брошенным овином,
Копытом хлеб потоптан,
Нет крова, и нет пищи...
Иди ко мне — здесь братья
Освобождают нищих.

Чей это прекрасный бархатный голос? Это на помощь Мандельштаму спешит его верная единомышленница *Анна Ахматова:*

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытают по ночам
И голодом неукротимых морят.

Постепенно голоса стихают и удаляются. Вновь появляется мудрый хозяин дома. Он печально смотрит им вслед и со вздохом говорит:

О Господи, разверзни, растопчи,
Пошли на нас огнь, язвы и бичи,
Германцев с Запада, монгол с Востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного суда.
Молитесь же, терпите же, примите ж
На плечи — крест, на выю — трон.
На дне души гудит подводный Китеж —
Наш неосуществимый сон.

Мираж рассеивается. Я один в полутемной мастерской. Надо уходить, хотя и не хочется. Долго еще звучат в голове голоса русских поэтов, чудесным образом услышанных мной в тот летний вечер одна тысяча девятьсот семьдесят второго года в мастерской поэта Максимилиана Волошина.

1972-1995

М.А.Волошин

СОДЕРЖАНИЕ

Мирра Лохвицкая. Стихи.

III. СТИХОТВОРЕНИЯ 1898 — 1900 гг.

IV. СТИХОТВОРЕНИЯ 1900 — 1902 гг.

V. СТИХОТВОРЕНИЯ 1902 —1905 гг.

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
10	8 св.	По небо	По небу
11	11 сн.	Мережкоском	Мережковском
12	14 св.	поэт Ап.Н.-	поэт Ап.Н.
14	11 св.	времени	*времени*
14	13 св.	времени	*времени*
14	18 св.	время	*время*
16	18 св.	в красках и звуках.	в красках и звуках,
17	12 сн.	доллю	долю
24	1 сн.	по́шло	пошло́
84	7 сн.	прекрасной	прекрасной,
96	6 сн.	отрезвясь,	отрезвясь